

ВИКТОР
ПРОНИН

**ПОЛНОЕ
ЗАТМЕНИЕ**



**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»**



Банда

Виктор Пронин
Полное затмение

«ЭКСМО»

1997

Пронин В. А.

Полное затмение / В. А. Пронин — «Эксмо», 1997 — (Банда)

У следователей, как и у врачей, работы невпроворот. Опытный сыщик Пафнутьев впервые сталкивается с такой жестокой бандой настоящих отморозков. Убийства следуют одно за другим – безжалостные, беспощадные, и, кажется, бессмысленные. Но Пафнутьев уверен – мотивы преступлений должны быть обязательно. И когда он находит эти мотивы, добивается неожиданного результата – в банде начинается процесс самоуничтожения. Никто никому не верит, каждый готов предать, а то и убить бывшего кореша. Пафнутьев ждет, осталось немного времени, скоро бандиты разоблачат сами себя... Ранее роман выходил под названием «Банда 5».

© Пронин В. А., 1997

© Эксмо, 1997

Виктор Пронин

Полное затмение

В воскресенье вечером дома, в своей квартире, Пафнутьев пребывал в таком состоянии и в таком виде, в каком мало кто его видел и знал. Он был расслаблен, замедлен, босой, в штанах на резинке и в некоем подобии куртки, которую Вика соорудила ему из остатков своего махрового халата – когда-то в молодости, года два назад, она увлекалась вещами не по росту, явно великоватыми для нее вещами.

Утонув в глубоком продавленном кресле, вооружившись пультом управления, Пафнутьев носился с программы на программу, из столицы в столицу, не в силах остановиться ни на одной. Лукавые московские ведущие прикладывали бешеные усилия, чтобы убедить его в том, что нет в мире ничего страшнее союза с Белоруссией. Заросший по самые очки Сванидзе что-то толковал о тирании, диктатуре и бесправии широких народных масс. Выбритый, лоснящийся, спотыкающийся на каждом слове Киселев солидно, даже с некоторой монументальностью в голосе материл президента Белоруссии за то, что тот не прислушивается к его, Киселева, советам. Ерзя на стуле и подмигивая Пафнутьеву хитренькими глазками, Миткова ссылалась на зарубежные авторитеты по правам человека. Сорокина, настолько опечаленная, что казалось, будто стоит она у гроба близкого человека, сообщала о том, что кого-то в Минске арестовали на сутки, а кого-то даже на трое суток. Гроба в кадре не было видно, но в том, что гроб в наличии имелся, не оставалось никаких сомнений – достаточно было посмотреть на убитое горем лицо бывшей красавицы...

– Это сколько ж денег, сколько ж денег брошено, – подавленно пробормотал Пафнутьев. – Задействовать все программы, чтобы доказать очевидную чушь...

– Значит, есть такие деньги, – легкомысленно откликнулась Вика.

– В нашей стране таких денег нет, – твердо произнес Пафнутьев.

– Откуда же они?

– Это очень простой вопрос... Уши той страны торчат из причесок каждого ведущего.

– По-моему, это их собственные уши, – откликнулась Вика, проносясь в очередной раз за спиной Пафнутьева – она готовила ужин. Молодая картошка, молодые помидоры, молодая жена... Неплохо все складывалось в личной жизни Павла Николаевича Пафнутьева. Неплохо, если оставались силы и желание вступать в перебранку с неузвимиыми для него телевиками.

– Американцы очень недовольны, просто в гнев впадают от того, что в Белоруссии, как им кажется, плохо соблюдают права человека. Ихний шеф Билл-шмил даже пригрозил, что миллион долларов, который он обещал Белоруссии, обещать перестанет. Вот тебе и уши.

В этот момент раздался телефонный звонок.

Пафнутьев посмотрел на часы. Нет, в это время ему никто не должен был звонить. Но в то же время все знали, что позвонить можно, что позвонить иногда даже нужно.

Вика подняла трубку и, не слушая, кто звонит, кому и по какому поводу, поднесла ее вместе с телефоном к креслу – разбирайся, дескать, сам.

– Да! – отрывисто сказал Пафнутьев. И по этому возгласу знакомым, приятелям и собутельникам было ясно, кто у телефона. Но на этот раз он услышал незнакомый ему вкрадчивый, уточняющий вопрос:

– Павел Николаевич?

– Он самый.

– Здравствуйте, Павел Николаевич!

– Здравствуйте! – охотно ответил Пафнутьев, но не торопился спрашивать, кто его тревожит в столь неурочный час, предоставляя вечернему звонарю возможность назваться самому.

– Как поживаете?

– Очень хорошо. А вы?

– Неплохо... Но не более того. Я чувствую, что вы не узнали меня, Павел Николаевич?

– Конечно, нет! – с подъемом воскликнул Пафнутьев.

– Моя фамилия Сысцов.

– Иван Иванович?! – радостно заорал Пафнутьев, хотя для подобных восторгов не было никаких оснований. Последняя встреча с Сысцовым могла кончиться для него не просто печально, а в полном смысле слова трагически. И только везение да огневая мощь Андрея позволили Пафнутьеву в тот ясный осенний день остаться живым и выскользнуть из железных объятий бывшего первого секретаря.

Однако с тех пор многое изменилось, теперь оба они жили в другой стране и по другим законам. Сысцов уже не был первым, не был главой администрации, да и в советниках президента он по каким-то причинам не задержался. Нынче это был солидный бизнесмен, владеющий небольшим заводом, несколькими заправочными станциями, число которых между тем постоянно увеличивалось как за счет вновь построенных, так и за счет вновь приобретенных. Из этого можно было сделать вывод, что дела Сысцова шли неплохо и в коммерческом смысле слова, и в криминальном тоже. Вот так просто владеть заправочными колонками в конце двадцатого столетия в России, да еще прикупать новые...

Это было рискованно и очень опасно.

Знающему человеку это говорило о многом.

А Пафнутьев был знающим человеком.

И тем не менее звонку обрадовался.

И в этом, наверное, была самая большая странность характера, необычность сущности Пафнутьева. Звонит человек из прошлого, человек, который мог его убить, собирался убить, а если и не убил, то не из великодушия, а просто потому, что не удалось. Звонил человек, который явно находился по другую сторону баррикады, давно считая Пафнутьева своим врагом. Можно даже предположить, что рано или поздно они должны были встретиться, но скорее всего в служебном кабинете Пафнутьева, где бы он задавал вопросы, а Сысцов в меру своей откровенности пытался бы на них ответить. Такое примерно было расположение сил.

И вот звонок.

И Пафнутьев действительно обрадовался. Может быть, потому, что этот звонок нарушил тягостную атмосферу вечера, может быть, потому, что ему приятно было поговорить с человеком из прошлого – в конце концов, именно Сысцов настоял когда-то, чтобы Пафнутьева из простого следователя перевели в начальство. Хотя были и возражающие, были влиятельные и настойчивые возражающие.

Можно представить себе еще одно объяснение – незлобив был Пафнутьев. Изменилось положение, изменилась роль Сысцова в его жизни – и прежнее неприятие ушло. Да, незлобивость, хотя многие очень даже ошиблись, переоценив это его качество. Пафнутьевское незлопамятство имело четкие и жесткие границы. Значит, все-таки Сысцов не перешел ту крайнюю грань, за которой его общение с Пафнутьевым было бы невозможным.

И конечно, любопытство, может быть, профессиональная любознательность. Если воскресным вечером по домашнему телефону, достаточно закрытому телефону для простых смертных, звонит Иван Иванович Сысцов, то за этим должно что-то стоять – ведь не потому он звонит, что не с кем ему выпить воскресную рюмку водки. Хотя Сысцов, насколько помнил Пафнутьев, последние годы предпочитал красные грузинские вина. И не из магазинов, а непосредственно из подвалов селения Киндзмараули, селения Оджелеша, селения Мукузани и других достойных мест.

– Да, это я, Павел Николаевич, – сдержанно и негромко произнес Сысцов.

– Слушаю вас внимательно! – Радость Пафнутьева была столь непосредственна, что она, похоже, озадачила бывшего первого человека города, а ведь и кличка у него была – Первый.

– Повидаться бы, Павел Николаевич.

– Готов!

– Если не возражаете... я и сейчас мог бы подойти... Если это, разумеется, не нарушит ваших планов.

– Не нарушит.

– Ну что ж... – Сысцов был явно смущен охотным согласием Пафнутьева. – Буду рад повидать вас, Павел Николаевич.

– Адрес знаете?

– Найду, – ответил Сысцов и замолчал, не решаясь первым повесить трубку. Пафнутьеву почему-то казалось, что тот звонит из автомата. Во всяком случае, та зависимость, которая чувствовалась в голосе Сысцова, позволяла предположить уличный автомат со скрежещущим диском, прожженными сигаретами цифрами, с собачьей цепью, которой обычно приковываются трубки. Хотя скорее всего он звонит из своей машины, как он звонил в Женеву или Гамбург, в Неаполь или Афины – Пафнутьев немного знал о международных контактах Сысцова.

– Кто это? – спросила Вика, появившись в дверях. Легкие брючки, джинсовая рубашка навыпуск, короткая стрижка... Пафнутьев не сразу сообразил, что ответить, не сразу.

– Ну ты даешь, – пробормотал он смущенно, поняв, что затянул с ответом. – На тебя глядя, не сразу врубаешься, не сразу... Сысцов хочет меня повидать.

– Один?

– Мы не договаривались, что он будет с бригадой.

– Мне переодеться?

– Ни в коем случае! Бить – так по морде!

– Думаешь, я сейчас могу?

– В самый раз. Наотмашь. Пусть знает, с кем живет простой российский следователь.

– Что-то приготовить?

– Не тот случай. Захочет – сам принесет.

Звонок в дверь раздался минут через десять. Когда Пафнутьев распахнул дверь, то невольно отшатнулся – на пороге стоял совершенно незнакомый ему человек.

Но это был Сысцов.

– Боже, что делает с людьми жизнь! – смятенно воскликнул Пафнутьев, невольно делая шаг назад, чтобы получше рассмотреть неожиданного гостя.

– Что... Постарел? – помертвевшим голосом спросил Сысцов.

– Какой там постарел! Иван Иванович! Да вы сбросили не меньше десяти лет!

– Ну слава богу... А то я уж совсем духом упал. – И он осторожно перешагнул порог, держа в руке средних размеров дорожную сумку.

Сысцов и в самом деле выглядел гораздо моложе, нежели в те годы, когда занимал пост первого, когда, следуя партийной этике, ходил в черном костюме, темном галстуке, в белой рубашке, когда манеры у него были величественны, голова вскинута в полном соответствии с занимаемой должностью, шея напряжена, а позвоночник неестественно распрямлен. Теперь на Сысцове был пиджак в черно-белую клетку, темные брюки, голубая рубашка без галстука, а клетчатая сумка дополняла его облик – легкий, может быть, даже легкомысленный.

– Вика! – заорал Пафнутьев в глубину квартиры. – Иди сюда! Смотри на этого человека! Видишь? Нет, ты скажи, видишь?

– Вижу. – Вика кивнула, и соглашаясь с Пафнутьевым, и здороваясь с Сысцовым.

– Вот как ты должна меня одеть! Вот как ты должна меня обуть! Вот во что я должен превратиться!

– Превращу, – согласилась Вика и направилась на кухню.

– Это, Павел Николаевич... – Сысцов никак не мог пристроить свою сумку. – Значит, так... Сейчас, я знаю, порядки другие, молодое поколение выбирает пепси и еще черт знает

что... А нам, я думаю, поздно менять свои привычки... Я уж, с вашего позволения, рубану сплеча...

– Мне к этому не привыкать, Иван Иванович.

– Простите, забыл... С вами, как и прежде, ухо надо держать востро... Учитывая, что я свалился как снег на голову... Кое-что с собой захватил...

– Это прекрасно! – воскликнул Пафнутьев, снимая неловкость. – Вы помните нашего знаменитого кулинара Николая Ивановича Губу?

– Вот! – радостно подхватил Сысцов. – Вот! И я хотел на него сослаться... Он в свое время для меня накрыл немало столов и... И преподал всем нам достаточно уроков человеческого общения. Поэтому не буду ничего объяснять. – Сысцов поставил сумку перед Пафнутьевым. – Пусть ваша жена разберется в ней сама, а мы тем временем немного поговорим.

– Заметано! – нарочито суровым голосом проговорил Пафнутьев и тут же отволок сумку на кухню. – Значит, так, Вика, – начал он, но та его перебила:

– Я все слышала, Паша.

– С вашего позволения, я возьму в сумке один небольшой пакетик, он понадобится нам для разговора, – Сысцов сдвинул «молнию» в сторону, взял что-то небольшое, вроде газетного свертка, и вернулся в комнату.

Пафнутьев придвинул второе кресло, такое же продавленное, как и то, в котором он только что смотрел телевизор, нажал кнопку, погасил экран, задернул штору, чтобы солнце не било гостью в глаза, убрал с журнального столика какую-то дребедень – расчистил пространство для разговора.

– Прошу! – он указал Сысцову на кресло.

– Спасибо, – тот осторожно опустился, подпернув на коленях брюки с четкой, наглаженной стрелкой. Пижоном стал Сысцов, фраером, подумал Пафнутьев и тоже сел. – Давно мы с вами не виделись...

– Но друг друга из виду не выпускали, – подхватил Пафнутьев.

– Да... Да, так можно сказать.

– Но одно время вы пропали, Иван Иванович... Говорят, в Кремле обитали, в президентской свите блистали... Верно?

– Было дело.

– Что ж случилось? Если, конечно, этот вопрос вам кажется уместным...

– Президент иногда тасует свою колоду. – Сысцов невесело усмехнулся. – А мне, старому дураку, надо бы об этом помнить... Немного пролетел.

– Бывает, – Пафнутьев небрежно махнул рукой, будто речь шла о сущем пустяке. – И я пролетаю, – утешил он Сысцова. – А кто не пролетает?

Сысцов сцепил ладони в один сдвоенный кулак и положил его на стол. Посидел так некоторое время, глядя на этот кулак, потом исподлобья взглянул на Пафнутьева, словно еще раз прикидывая – там ли он оказался, куда так стремился. Видимо, пафнутьевские штаны на резинке и куртка из женского махрового халата несколько сбивали Сысцова с толку, и он убеждал себя в том, что Пафнутьев именно тот человек, который ему нужен.

– Павел Николаевич, – медленно проговорил Сысцов. – Скажите мне, будьте добры... То, что между нами было, – ушло?

– Как с белых яблонь дым! – твердо ответил Пафнутьев, громче, чем требовалось для небольшой комнаты.

– И можем начать наши отношения с чистого листа?

– Мы обязаны это сделать! – заверил Пафнутьев гостя.

– Хм... Никак не могу привыкнуть к вашей манере разговора, – усмехнулся Сысцов. – Не знай я вас раньше с самой лучшей стороны, мог бы усомниться...

– Не надо, – поспешно сказал Пафнутьев. – Во мне сомневаться не надо. Я хороший. Надежный. Верный.

– Все это я знаю... Я имел в виду усомниться не столько в вас, сколько в себе... Правильно ли я поступил, придя к вам...

– Вы поступили совершенно правильно! – с жаром заверил Пафнутьев. – Не корите себя! Я именно тот человек, который вам нужен. И сегодня, и всегда.

– Мне тоже так кажется... Ну что ж... Ну что ж... Павел Николаевич, вот еще что... Мне бы хотелось, чтобы о нашем разговоре, о нашей встрече знали только мы. И больше никто.

– Заметано, – согласился Пафнутьев.

– Я даже не смог прийти к вам в прокуратуру. Не хочу, чтобы там меня видели... Это не каприз, это страх. Даже сюда я пробрался тайком на чужой машине.

– Неприятности? – прямо спросил Пафнутьев.

– Да.

– И, как я понимаю, крутые?

– Очень.

Пафнутьев внимательнее посмотрел на Сыцова и только сейчас заметил, что у того изменилась и прическа. Если раньше он зачесывал волосы назад, следуя опять же государственной моде, то теперь появился пробор, четкий, ухоженный, а надо лбом чуть нависала если и не челка, то похожая на нее изысканная седая прядь. Присмотревшись к Сыцову, можно было, конечно, понять, увидеть, что нисколько он не помолодел, но стал каким-то более раскованным, дерзким. Впрочем, это было в нем и раньше. Но в его облике появилось нечто вроде авантюриности, и это заметил Пафнутьев.

Молча вошла Вика, набросила на журнальный столик льняную скатерку, новую скатерку, как отметил Пафнутьев, мысленно похвалив Вику за сообразительность. Потом она принесла две рюмки, хорошие, емкие рюмки, маленькие тарелочки, вилки. Поставила посередине стола бутылку водки. «Юрий Долгорукий», – прочитал Пафнутьев и тихонько про себя охнул – дорогая водка. Вернувшись очередной раз с кухни, Вика положила на стол уже нарезанную тонкими ломтями белую рыбу, красную рыбу... Сыцовские гостинцы, догадался Пафнутьев.

– О! – воскликнул он. – У нас намечается неплохой вечерок!

– По дороге в ваш гастроном заскочил, – пояснил Сыцов.

– К Халандовскому?

– Да, это, кажется, его гастроном. Я слышал, вы друзья... Как он? Жив? Здоров? Отчаянный мужик, насколько я помню.

– Держится, прекрасно держится. Омолаживает штат.

– Это хорошо, – кивнул Сыцов и, открыв бутылку, разлил водку по рюмкам. Хорошо разлил, как заметил Пафнутьев, поровну и почти доверху. Значит, и разговор будет на равных, без старческого лукавства и начальственной спеси. – Будем живы! – сказал Сыцов и, чокнувшись с Пафнутьевым, спокойно выпил до дна.

– Последний раз, помнится, вы грузинским винцом баловались, Иван Иванович? – спросил Пафнутьев, напоминая Сыцову их последнюю встречу, которая могла кончиться по-разному, ох по-разному.

– На красненькое уже здоровья нет. – Сыцов твердо посмотрел на Пафнутьева голубовато-белесыми глазами. – На многое уже здоровья нет, а на это вот осталось немного. – И Сыцов снова разлил водку по рюмкам.

– Будем живы! – повторил Пафнутьев тост Сыцова.

– Дай бог, – тяжело выдохнул тот, но водку выпил.

Некоторое время оба молчали, отдавая должное роскошной рыбе, на которую расщедрился гость.

– Отличная рыба, – проурчал Пафнутьев. – Неужели такую кто-то ест постоянно?

– Такую рыбу никто не ест постоянно, – холодно заметил Сысцов. – Такую рыбу невозможно есть постоянно. Постоянно можно есть только овсяную кашу, кефир, вареную картошку и хлеб с отрубями.

– И опять согласен, – кивнул Пафнутьев, подхватывая вилкой очередной срез осетрины. – До чего вкусна... Вы меня извините, Иван Иванович, но мне так хочется жену угостить... А?

– Не надо, – поморщился Сысцов. – Там, в сумке, достаточно... Значит, мы договорились, Павел Николаевич, что о моем визите к вам никому не будет известно?

– Могила! – заверил Пафнутьев. – Я буду молчать, как железобетон.

– Хорошо. – Сысцов поднял с пола сверток и начал медленно разворачивать его. – Вы уже выпили, – проговорил он, искоса взглянув на Пафнутьева, – закусили... Поэтому я могу перейти к делу.

– У вас такое дело, что...

– Да, Павел Николаевич, у меня такое дело, которым можно заниматься только после того, как хорошо выпьешь и хорошо закусишь. Не ранее. Но и не позже.

С этими словами Сысцов сбросил наконец на пол мятую газету и поставил на стол небольшую баночку с завинчивающейся крышкой, в каких обычно бывает майонез, горчица, хрен и прочие приправы к хорошей закуске. Но на этот раз в баночке плескалась красноватая жидкость, и, как успел заметить Пафнутьев, в этой жидкости плавало что-то бесформенное, сгусток не то темного, не то красноватого, не то белесого вещества.

– Что это? – спросил он, не решаясь взять в руки баночку, которая почему-то произвела на него жутковатое впечатление.

– Глаз, – ответил Сысцов.

– Не понял?

– Человеческий глаз.

– А почему он там? – спросил Пафнутьев в полной растерянности. Вопрос был совершенно наивным, но другого у него не нашлось, другие слова не подвернулись.

– Его туда поместили.

– Давно?

– Два дня назад.

– Так, – крикнул Пафнутьев и на некоторое время замолчал. Он молча переводил взгляд с недопитой бутылки «Долгорукого» на недоеденную рыбу. Потом в поле его зрения опять возникла эта странная баночка с плотно завинченной крышкой. Вообще, куда бы ни смотрел Пафнутьев, взгляд его неизменно возвращался к этой посудине, из которой смотрел на него печальный человеческий глаз. Взять баночку в руки, внимательнее рассмотреть ее содержимое он все еще не решался, да в этом и не было надобности.

Чувствуя, что пауза затянулась, Пафнутьев не придумал ничего лучшего, как взять приземистую бутылку и наполнить рюмки. Чокаться не стал, сочтя эти формальности излишними, и чуть ли не одним большим глотком опрокинул водку в себя. Сысцов последовал его примеру. Пафнутьеву это понравилось, получилось так, будто они выпили за упокой неизвестного человека, хозяина этого плавающего в кровавой жидкости глаза.

– Вы знаете этого человека? – спросил Пафнутьев, кивнув в сторону баночки, которую Сысцов наконец догадался убрать со стола и поставить на подоконник.

– Знал.

– Его уже нет в живых? – спросил Пафнутьев и только тогда понял, что опять сморозил что-то глуповатое. – Простите... Я хотел спросить – вы знаете все, что с ним произошло?

– Ничего не знаю. Поэтому я здесь. У меня такое ощущение, что он смотрит на меня из этой банки и что-то хочет сказать...

– Все они хотят сказать одно и то же, – проговорил Пафнутьев будничным, чуть ли не унылым голосом, словно речь шла об очевидном. – Всегда от них слышится одно и то же требование.

– От кого – от них? – с запинкой спросил Сысцов, не уверенный, видимо, что правильно понял Пафнутьева.

– От покойников.

– Чего же они требуют?

– Возмездия. Всегда они хотят возмездия. Во всяком случае, я их так понимаю.

– Наверно, вы правы, Павел Николаевич, – согласился Сысцов. – Но возмездие нужно и живым. Даже не знаю, кому больше.

– Конечно, живым, – уверенно сказал Пафнутьев. – Тут и думать нечего. Ну ладно, Иван Иванович... Начнем. Скажите мне наконец, кто это смотрит на меня из этой баночки так пристально и безнадежно? Кто жаждет возмездия скорого и сурового?

Сысцов помолчал, нависнув над столом, подождал, пока пройдет мимо них Вика и скроется в другой комнате, с некоторой опаской бросил взгляд на баночку с глазом, вздохнул...

– Этого человека звали Костя Левтов.

– Что-то знакомое...

– Наверняка вы слышали эту фамилию. Бандит. Авторитет. И по совместительству – моя «крыша».

– Кто к кому пришел? – как бы между прочим спросил Пафнутьев, хотя вопрос он задал едва ли не самый главный.

– Он пришел ко мне. Года полтора, может быть, даже два года назад. Пришел и сказал, что желает быть моей «крышей». Отвертеться не удалось, хотя я и пытался. Однажды среди бела дня взорвалась моя заправочная станция. Он позвонил и сказал, какая будет следующая.

– Помню этот взрыв, – сказал Пафнутьев.

– Я дрогнул и его условия принял. И не жалею. Свои деньги он отработывал. На меня пытались наезжать не один раз, предлагали новую «крышу». Но это были проблемы Левтова, и он их решал.

– Успешно? – усмехнулся Пафнутьев.

– Он их решал, – повторил Сысцов.

– Много брал?

– Умеренно. Это был здоровый, неглупый, не алчный человек.

– Вы уверены, что это его глаз?

– Да. – Не выдержав жутковатого взгляда из банки, Сысцов взял ее и поставил под стол, на пол, чтобы вообще не видеть. – Если бы у него была наколка на руке, мне бы принесли руку. Если бы у него было родимое пятно на ноге, принесли бы ногу. Но у него один глаз был двухцветный – голубой, а на нем рыжее пятнышко... Поэтому принесли глаз. Чтоб я не сомневался. Опустили в банку глаз, залили водкой. Им показалось, что он так дольше сохранится.

– Так там водка? – удивился Пафнутьев. – Надо же... – Он спохватился, понял, что его удивление несколько неуместно. – Как это произошло?

– Приходит в мою контору человек... Этаким маленький, шустрый, чернявенький... Оставляет у секретарши пакет, наказывает, чтобы обязательно передала мне. И уходит. Так эта баночка оказывается у меня на столе. Через некоторое время звонок. «Здравствуйте, я ваша „крыша“. Получили?» – спрашивает какой-то тип... Ну и так далее.

– Этот тип звонил вам и раньше? – спросил Пафнутьев почти без вопроса, утвердительно спросил.

– Да, – помявшись, сказал Сысцов. – Предлагал «крышу». Я, естественно, отправил его к Левтову. Результат вы знаете. – Сысцов взглянул под стол, где в баночке мерцал глаз.

– У него были люди? – спросил Пафнутьев осторожно.

– Очевидно, своя бригада имелась... Но общался я только с Левтовым.

– Его люди на вас выходили в последние дни?

– Пока нет... Думаю, объявятся. Не могут не объявиться.

– Вчера была расстреляна машина вместе с пассажирами. Японский джип, – как бы между прочим, почти про себя пробормотал Пафнутьев. – Все погибли. Четыре человека. Уж не левтовские ли ребята? – спросил Пафнутьев.

– Не знаю. – Сысцов пожал плечами. – Я общался только с Костей. С Левтовым, – повторил он.

Пафнутьев поставил локти на стол, подпер щеки и уставился в окно. Там на уровне третьего этажа раскачивались верхушки деревьев. Видимо, поднялся ветер. Несколько дней в городе стояла невыносимая жара, и только к вечеру можно было пройтись по улице, подышать, стряхнуть с себя изнуряющий зной. Теперь, похоже, собиралась гроза. Пока Пафнутьев разговаривал с Сысцовым, несколько раз громыхнуло где-то на окраине, потом уже ближе, в комнате потемнело, и вот он увидел, как раскачиваются на ветру верхушки кленов.

– Дождь собирается, – проговорил Пафнутьев.

– Дай бог. – Сысцов с надеждой обернулся к окну. – Уже нет никаких сил.

– Помнится, на даче у вас было прохладно... Сосны, зелень...

– Какая дача, Павел Николаевич! У меня объявлена боеготовность номер один! Все службы подняты на ноги, никаких отпусков, отгулов!

– Как вы все это понимаете?

– А что тут понимать? Появилась новая банда. Начался передел имущества. Будут еще трупы, Павел Николаевич. Ждите трупов. Какие-то уж больно нетерпеливые ребята... Ждите трупов, – повторил Сысцов.

– А чего их ждать... – Пафнутьев пожал плечами. – Сами приходят. И вот еще что, Иван Иванович... Разговор у нас без протокола, дружеский, поэтому мы можем друг другу сказать немного больше, чем это принято в служебной обстановке... Этот расстрелянный джип, о котором я говорил...

– Хорошо. Так и быть. Скажу... Это Кости Левтова джип. Я уточнил. Его ребята погибли. Остальные легли на дно. Затаились.

– Много их, остальных?

– Погибла половина. Примерно. Но эта половина – боевики.

– Так. – Пафнутьев встал, подошел к окну и некоторое время смотрел, как крупные редкие капли били по пыльному стеклу. Капли становились все гуще, напористее, и вот уже хороший сильный дождь хлынул на город. В комнате дохнуло прохладой, свежестью, потянуло сквозняком, и Пафнутьев, закрыв форточку, вернулся в свое кресло. – Как я понимаю, Иван Иванович, вы пришли тайком...

– Ну! Так уж и тайком! – Сысцову, видимо, не понравилось само слово, он уловил в нем что-то для себя унижительное.

– Кто-нибудь знает, что вы здесь?

– Нет.

– Значит, тайком, – решительно сказал Пафнутьев. – И вы не хотите оставить никакого заявления?

– Мне нельзя этого делать. Вы, Павел Николаевич, сами это знаете.

– И в прокуратуру не придете?

– Не приду.

– И не хотите, чтобы о нашей встрече кто-нибудь знал?

– Да, это нежелательно. Жить хочется, Павел Николаевич. Могу сказать больше... Вы единственный человек, которому я все это рассказал. И больше никому. Рассказал независимо от ныне занимаемых должностей, прежних взаимоотношений.

– Почему?
– Обратней боюсь.
– Вы уверены, что я не оборотень? – усмехнулся Пафнутьев.
– Да. Изредка я поглядываю на вас со стороны, интересуюсь, любопытствую... Не поверите – восхищаюсь... Иногда вы беретесь за очень чреватые дела. Я даже болею за вас, Павел Николаевич. Нет, вы не оборотень. Ко мне стекаются кое-какие сведения о жизни в правовых органах... Вы должны опасаться обратней. Они есть в вашей среде, и их не так уж мало.

– Знаю.
– Поэтому мне бы хотелось просить вас о том...
– Чтобы я держал язык за зубами?
– Да, – улыбнулся Сысцов.
– Заметано. Еще по глоточку? – Пафнутьев открыл «Долгорукого» и вопросительно посмотрел на Сысцова. Тот не возражал, и Пафнутьев разлил остатки водки по пузатеньким рюмкам. – За победу! – Он поднял рюмку.

– Кого, над чем, над кем?
– Потом разберемся, за чью победу мы пили, Иван Иванович! – Пафнутьев выпил, прислушался к себе. Убедившись, что водка пошла по назначению, удовлетворенно кивнул и ловко подцепил вилкой полупрозрачный ломоть осетрины. – Значит, говорите, маленький, чернявенький? Шустренький и с пакетиком? – весело спросил Пафнутьев. И видя, что Сысцов не понял вопроса, добавил: – Ну, тот, который глаз в вашу контору принес.

– А, – протянул Сысцов. – Во всяком случае, так его обрисовала моя секретарша.
– Я могу с ней поговорить?
– Не хотелось бы, Павел Николаевич, не хотелось бы. – Сысцов, полуобернувшись к окну, некоторое время с явным удовольствием смотрел на потоки дождя по стеклу. – Уж больно нервная какая-то банда на меня наехала. Тот же самый Левтов... Он мог договариваться с людьми. И по-хорошему, и по-плохому... Ведь крутой бандюга был... А обернулось вон как! Поэтому прошу – не надо трогать мою секретаршу, она девушка впечатлительная... Если будут вопросы, передайте мне, я сам у нее уточню все, что вас заинтересует. То, что она запомнила, я передал – кудрявенький, чернявенький, одет во все темное...

– Одну минутку, Иван Иванович! Вы сделали важное уточнение... Он действительно кудрявенький? Или патлатенький? Или просто чернявенький? Он смуглый или загорелый? Вы меня понимаете?

– Наш он, Павел Николаевич, наш. Не с Кавказа.
– Ну что ж, пусть так.
– Секретарша у меня девочка не просто впечатлительная, а еще и наблюдательная. Другие в секретаршах не задерживаются.

– Значит, Левтов из крутых?
– Да, – помолчав, сказал Сысцов.
– Ручонки у него того...
– Замараны ручонки, Павел Николаевич.
– Авторитет?
– Да.
– Хорошо, наведу о нем справки... Хотя не знаю, зачем это, человека-то нет.
– Что вы думаете обо всем этом, Павел Николаевич?
– Что тут думать... Похоже, ребята работают давно, не меньше года, похоже, работают удачно, до сих пор все у них получалось, все стыковалось. Ведь Левтов не только вас опекал?

– Не только.
– Ребята решили выйти на новые круги, может быть, подумывают о том, чтобы прибраться к рукам город... Хотя у них вряд ли это получится, они просто не представляют, какой улей

могут растревожить. Их поведение говорит о наглости и неопытности. Так нельзя. Так вести себя никому нельзя.

– А как мне вести себя?

– Спокойно. Мягко. Доброжелательно. Условие одно – вы должны иметь дело с первым человеком. Об этом повторяйте им постоянно. Захотят встретиться... Не отказывайтесь. Время, Иван Иванович, тяните время. Вдруг вам понадобилось куда-то съездить на несколько дней, потом оказалось, что здоровье забарахлило и надо показаться столичным врачам... И в то же время вы всегда на месте, всегда готовы разговаривать. Но! С первым человеком. Вы знаете правила игры, вы несколько не удивлены их появлением, осталось только оговорить условия, сроки, характер услуг... Ведь они предлагают вам услуги, «крышу», другими словами. Насколько надежна их «крыша», насколько долговечна, не рухнет ли под напором неожиданного ветра... То есть вы оговариваете все это как с людьми серьезными и ответственными. Угроз, прямых, наглых угроз не приемлете, а договариваться – всегда пожалуйста.

– Я вот только сейчас подумал, – сказал Сысцов, поднимаясь, – с «крышей»-то оно спокойнее, а, Павел Николаевич?

– В понятие «крыши» входит и возможность ее уничтожения. В понятие «крыши» входит и возможность ее замены на другую, – жестковато произнес Пафнутьев и тоже поднялся. – В понятие «крыши» входит и то, что иногда она превращается в свою противоположность. Поэтому происшедшее неприятно, но... Так обычно и бывает.

– Может быть, может быть... Но в мою бытность первым все было куда надежнее, а, Павел Николаевич? – Сысцов улыбнулся, показав отлично сделанные зубы из белого фарфора. Поскольку зубов было много, все они ослепительно сверкали, то широкая улыбка Сысцова оказалась похожей на оскал, дружеский, не очень опасный, но все-таки оскал. – В мое время мы бы с такой бандой в сутки разобрались, а, Павел Николаевич?

– Кто же вам мешал оставаться первым? – наивно спросил Пафнутьев. – Напрасно вы покинули свой кабинет, Иван Иванович. Кстати, кто в нем сейчас сидит?

– Шелупонь! – резко ответил Сысцов.

– Мне кажется, что напрасно вы подпустили шелупонь к власти, ох напрасно. Вся шелупонь сидит не только в вашем кабинете, она заняла кабинеты и повыше... Напрасно.

– Против исторического процесса не поперешь, Павел Николаевич! – воскликнул Сысцов уже из прихожей.

– Почему? – удивился Пафнутьев. – Я же иду против исторического процесса. И ничего.

– Против какого процесса вы идете?

– Я имею в виду криминализацию всей страны, – простодушно улыбнулся Пафнутьев. – Новая власть плюс криминализация всей страны. Это и есть наш нынешний капитализм.

– С вами опасно разговаривать, Павел Николаевич.

– Но так было всегда.

– Признаю, я вас недооценил в свое время... – Сысцов развел руки в стороны, как бы признавая свою оплошность.

– А если бы оценили по достоинству?

– Павел Николаевич, вы не пожелали быть в моей команде, я предлагал.

– Ну, что ж, справедливость восторжествовала – теперь мы с вами в одной команде. Надеюсь.

– Я тоже на это надеюсь, Павел Николаевич. Не подведите меня, не засветите перед новыми ребятами. Это единственное, о чем прошу. А вся информация, которая у меня окажется... Она будет у вас на столе в тот же день. Это я обещаю.

– Заметано. – И Пафнутьев крепко пожал сухую, но сильную еще ладонь Сысцова. – Да! – Он хлопнул себя ладонью по лбу. – А как же нам быть с глазом? Заберете с собой? Оставьте?

– Он вам нужен?

– Отдам на экспертизу... Вдруг чего-то обнаружится.

– С одним условием... Вы не скажете, откуда он у вас, – сказал Сысцов и тут же смешался. – Простите, уж больно каким-то перепуганным я кажусь, наверное?

– С кем не бывает, – великодушно махнул рукой Пафнутьев. – Скажу, что нашел. Вы, Иван Иванович, потеряли, а я нашел. Годится?

– Сойдет. – И Сысцов вышел за дверь.

Подойдя к окну, Пафнутьев полюбопытствовал – куда же пойдет нарядный гость в такой дождь. Но, оказалось, все было предусмотрено – едва хлопнула дверь, едва Сысцов оказался под козырьком подъезда, из дальнего конца двора подъехала машина, и он легко скользнул в заботливо приоткрытую дверь. Машина тут же тронулась с места и, не задерживаясь, выехала со двора.

Когда Пафнутьев вошел на кухню, его встретил недоуменный взгляд Вики – в полной растерянности она стояла перед горой сверкающих фольгой и целлофаном пакетов.

– Паша, – сказала она, – тут на неделю деликатесов... Что с ними делать?

– Съедем. – Пафнутьев пожал плечами. – Не выбрасывать же.

– Он что, всегда вот так приходит?

– Школа Николая Ивановича Губы... Прекрасный был человек.

– Ты тоже у него учился?

– Да, – кивнул Пафнутьев. – Это единственная школа, где я был на хорошем счету.

* * *

Утро было прекрасным – свежим, искрящимся, прохладным. Редкие капли ночного дождя падали с чистой листвы, вымытые дождем машины сверкали лаком и стеклом, даже асфальт, серый выщербленный асфальт искрился на солнце и тоже, казалось, радовался утру.

Пафнутьев не стал вызывать машину и отправился в прокуратуру пешком – сунув руки в карманы брюк, распахнув пиджак и приспустив галстук. Он шагал легко и свободно, правда, карман пиджака слегка отдувался – туда он сунул баночку с глазом непутевого Левтова, который разжирел и обмяк настолько, что потерял бдительность и позволил каким-то озверевшим ублюдкам поступить с собой так жестоко.

Сказать, что Пафнутьев безраздельно наслаждался утром, так сказать было нельзя. Да, он видел и мокрый асфальт, и чистые машины, и свежую листву, роняющую последние капли ночной влаги, но мысли его были подозрительны и суровы. Вчерашний визит Сысцова нарушил, конечно, нарушил его планы и затеи. Поскольку речь шла о чем-то более существенном, нежели угнанная машина, похищенный сейф или сожженный киоск.

С одной стороны, разборки между бандами, между уже действующими отрядами и подросшими молодыми волками, не знающими ни жалости, не пощады, такие разборки происходили постоянно, значительно облегчая работу прокуратуры, милиции и судов. Да, расследование, установление вины, поимку, суд и приговор банды производили самостоятельно, не отягощая своими заботами государственные службы.

– Все это так, все это так, – бормотал Пафнутьев. Но дело в том, что, закончив выяснение отношений между собой, эти отчаянные ребята принимались за правопослушных граждан, охранять покой которых и был призван Пафнутьев.

Сысцов...

И до него, значит, добрались.

Левтов был достаточно крут, и всех желающих подоить Сысцова он отметал рукой твердой и бестрепетной. Но тут нашлась рука более твердая. Не исключено, что эта новая рука просто более нервная и истеричная.

Конечно же, Сысцов не сказал всего, что знает, слегка перетрусил Иван Иванович, маленько дрогнул. Наверняка он знает больше, наверняка есть у него кое-какие сведения о новеньких. Если, конечно, все происходило, как он рассказал, если не произошло чего-нибудь противоположного...

Что делать, Павел Николаевич, что делать?

Все телефоны Сысцова на прослушивание – это немедленно, бесспорно и обязательно. Казалось бы, действие очевидное, но осуществить будет непросто – Сысцов остался фигурой известной и влиятельной. И даже если сказать, что все делается для блага того же Сысцова... Не поверят, с ним же и начнут согласовывать.

Ладно, пробьём.

Дальше... Неплохо бы понаблюдать за Сысцовым два-три дня – куда ездит, с кем общается, где спит, кушает, пьет... Кто его тревожит, кого тревожит он... Номера машин, адреса, телефоны, имена... Набросим, набросим сеточку, авось какая-нибудь рыбешка и заплещется, заиграет на доньшке, усмехнулся Пафнутьев неожиданно возникшему сравнению.

И еще кое-что у нас есть, есть кое-что...

Но дальнейшие мысли Пафнутьева оборвались, поскольку к этому моменту он уже вошел во двор прокуратуры, поднимался по ступенькам, и ему необходимо было узнавать людей, здороваться с ними, улыбаться радушно и приветливо – это тоже входило в обязанности начальства, которым он пребывал последние годы. И руки его как бы сами покинули карманы брюк, и пиджак вроде сам собой застегнулся, на одну пуговицу, но застегнулся, и галстук тоже подтянулся, не до самого горла, но все-таки стал несколько строже Пафнутьев, подтянутой, деловитее.

Правда, вот вихры, вихры торчали во все стороны, как и прежде, не слушались они его давно и в конце концов добились полной самостоятельности. Отпустил их Пафнутьев на волю, перестал обращать на них внимание. Только Вика продолжала бороться с его вихрами, настойчиво и неотступно приглаживала их, подрезала, удлиняла, хотя, надо сказать, больших успехов не достигла. Но порыв ее не иссяк, и борьба продолжалась.

В конце коридора показался Худолей. Увидев Пафнутьева, он остановился, хотел было повернуть назад, но понял, что уже поздно, что он замечен и его состояние оценено точно и безжалостно. Он прижался спиной к стене, намереваясь пропустить Пафнутьева мимо себя, чтобы продолжить свой путь в фотолабораторию.

– Доброе утро, Павел Николаевич. – Худолей улыбнулся как смог и прижал ладошки к груди.

– Привет! – Пафнутьев с силой встряхнул полупрозрачную лапку эксперта, ощутив ее влажность и прохладу. – Как жизнь? Что нового? Здоровье? Настроение? Успехи?

– Да как... Вот так, Павел Николаевич, и живем... Хлеб, можно сказать, жуем. Духом не падаем. Держимся.

– Запиваем чем?

– Мы не запиваем вовсе. Нам это ни к чему.

– А закусываете?

– Чем придется! – с некоторым вызовом ответил Худолей. – За свои пьем, Павел Николаевич, за свои и закусываем!

– Это хорошо, – одобрил Пафнутьев. – Так и надо. А иначе нельзя, иначе плохо. Люди тебя могут не понять.

– Поймут! – уже с некоторой дерзостью ответил Худолей.

– Да? – удивился Пафнутьев. – Тогда они потянутся к тебе. Держи, это от меня, – вынув из кармана баночку с глазом, он вручил ее эксперту.

– Что это?

– Водка. Ну, там еще кое-что, разберешься. – И Пафнутьев шагнул в свой кабинет.

Уборщица уже побывала здесь – большая форточка была открыта, пол влажный, воздух свежий. Пафнутьев плотно уселся в жесткое деревянное кресло, с силой потер щеки ладонями, все лицо потер, словно готовил его к чему-то важному. Взглянул на настольный календарь. Он был пуст.

– И то хорошо, – пробормотал Пафнутьев.

В общем-то, ему было чем заниматься в этот день, ограблений, убийств, разборок в городе хватало. Да что там хватало! Они попросту не прекращались, это был какой-то безостановочный поток. Возникло ощущение, что чуть ли не все население города, оставив обычные свои заботы, забросив дела и обязанности, занялось выяснением отношений, похищениями и разбоями. Больше всего его удручало то, что в большинстве случаев это были молодые ребята, выросшие за последние пять-семь лет. Что же такое произошло в стране за последние годы, что в институтах исчезли всякие конкурсы на поступление, а в городе начались состязания банд?

В общем, было чем заняться Пафнутьеву в это утро, но вчерашнее посещение Сысцова не выходило из головы. По многим причинам. И Сысцов был личностью заметной в городе, и в судьбе Пафнутьева он немало поучаствовал, да и характер преступления, за которым явно просматривался полный беспредел, не давал ему покоя. «Если воцарятся эти ребята, – подумал Пафнутьев, – в городе начнется новый этап, мы выйдем на очередную спираль развития», – усмехнулся он и вызвал по телефону Дубовика.

Тот постучал ровно через минуту, вошел, открыл дверь и остановился на пороге.

– Почему ты не хочешь приблизиться ко мне? – спросил Пафнутьев. – Ты не отвечаешь за себя или за меня?

Дубовик подошел ближе, сел к приставному столику, помолчал, вздохнул.

– А кто сейчас может за кого поручиться, Павел Николаевич? – Глаза Дубовика были печальны, нос, налившийся какой-то ночной краснотой, пылал в сумраке кабинета, и, как всегда, Пафнутьев заподозрил наличие в дубовиковском носу какой-то своей, независимой от остального организма жизни.

– Я, например, могу спокойно и твердо за тебя поручиться! В чем угодно! – решительно заявил Пафнутьев.

– Спасибо, Павел Николаевич. – Дубовик склонил голову, и его нос на какое-то время скрылся из поля зрения.

– Значит, так... – Пафнутьев помолчал, подчеркивая важность момента. – Значит, так... Скажи, у тебя есть хоть сколько-нибудь нераскрытых преступлений?

– Есть.

– Много?

– Очень.

– Выбери, пожалуйста, из них самые злобные, дурные, кровавые – в общем, запредельные.

– Беспредельные, – поправил Дубовик без выражения.

– Как скажешь, дорогой, как скажешь. Выбери и просмотри – нет ли среди показаний свидетелей, среди рассказов жертв и очевидцев упоминания о человеке в темной одежде, небольшого роста, человеку, которого можно было бы назвать чернявеньким-кудрявеньким.

– Разные люди попадают среди участников преступлений, – задумчиво проговорил Дубовик. – И горбатый, помню, был, и одноногий... Протез у него свалился во время погони... Смешно так было, – серьезно добавил Дубовик. – Он и сам смеялся, когда его задержали. И оперативники тоже смеялись.

– А ты? Хохотал?

– Что же я, и не человек вовсе? – с легкой обидой произнес Дубовик. – Тоже улыбнулся. Вместе со всеми.

Пафнутьев помолчал, глядя в окно, полистал календарь, но ничто не привлекло там его внимания, и он снова повернулся к Дубовику.

– Значит, так, повторяю...

– Не надо, Павел Николаевич. Я все понял. Вас интересует маленький-чернявенький участник кровавых преступлений. В чем бы они ни заключались. По широкому фронту.

– Участник нераскрытых кровавых преступлений, – уточнил Пафнутьев.

– Понял, – Дубовик поднялся. – Когда?

– Вчера.

– Тогда после обеда.

– Годится, – сказал Пафнутьев и, увидев заглянувшего в дверь Андрея, приглашающе махнул ему рукой. – Садись! – Он показал на стул, который только что освободил Дубовик. – Рассказывай.

– О чем, Павел Николаевич?

– Тогда не надо. – Пафнутьев пожал плечами. Дескать, хотел как лучше, а ты не понимаешь.

– Ну что сказать. – Андрей посмотрел на одну свою ладонь, потом так же внимательно попытался что-то высмотреть на другой. – Безрадостно.

– Ругается? Корит? Спит отдельно?

– Молчит.

– И ты, помнится, молчал не меньше года.

– Но я никому со своим молчанием не навязывался.

– А она?

– Тоже не навязывается, но я-то рядом, живой пока еще человек.

– Послушай, Андрей... Но ведь с ней произошло нечто такое, что не так давно случилось и в твоей жизни... Проникнись.

– А я что? Я – ничего. Вы спросили – я ответил. У нас все отлично, Павел Николаевич. Надя – прекрасный человек. Мы во всем находим общий язык. Мы вместе едим, гуляем, спим... Но все это – безрадостно.

– Ты еще не на пределе?

– Еще нет. Пока.

– Это прекрасно! – подвел итог Пафнутьев. – Это просто здорово! По-моему, лучше и не бывает.

– Уж не хотите ли вы сказать, что и вы где-то рядом с пределом? Уж не на пределе ли вы, Павел Николаевич? – улыбнулся Андрей.

– Еще нет. Пока.

– Да? – Андрей долгим взглядом посмотрел на Пафнутьева, склонил голову, озадаченно выпятил губу. – Надо же... Если я правильно понял, Павел Николаевич...

– Ты все понял правильно. Разминку заканчиваем. Есть такой человек... Иван Иванович Сысцов.

– Тот самый?

– Да.

– Жив еще?

– Да, я помню, ты собирался с ним разобраться...

– Я и сейчас не против.

– Не надо. Я против. И потом... Нет его вины перед тобой. Это я знаю точно.

– Но вы сами говорили, что если бы не он, то Света, может быть...

– Нет его вины перед тобой. Переверни страницу и живи дальше. Другого варианта не существует.

– Думаете...

– Андрей... Мы можем поговорить о деле?

– Виноват, Павел Николаевич. Вы сами меня раскрутили.

– Виноват, – склонил голову Пафнутьев. – И так, Сысцов. Иван Иванович. Владелец заводов, газет, пароходов. Условно, конечно. На него наехали. Очень круто.

– Жалуетесь?

– Не то что жалуетесь, но слегка паникует... Ты уже, слава богу, не водитель, твои обязанности шире и значительнее. Что нужно... Незаметно, неназойливо... Побудь денек возле его конторы и запиши все номера машин, которые будут подъезжать. А потом сходи к ребятам из автоинспекции и уточни, кому эти машины принадлежат. Подъедет какая-нибудь машина два раза – запиши, три раза – тоже отметь. Особое внимание обрати на те машины, которые вроде бы остановились в стороне, но люди приехали явно в контору Сысцова.

– А сам он не может такой список дать?

– В штаны наделал. И потом... Откуда ему знать, кто на какой машине приехал?

– Тоже верно, – согласился Андрей.

– Если он куда направится, следуешь за ним. При этом имей в виду, что, возможно, кто-то еще будет его отслеживать... Врубился? Они не должны тебя засечь.

– Я пошел, Павел Николаевич? – Андрей поднялся.

– Ни пуха.

Андрей не успел открыть дверь – она распахнулась сама. На пороге стоял возбужденный Худoley, держа в руках злополучную баночку с глазом городского авторитета.

– Что-нибудь случилось? – спросил Пафнутьев, помахав прощально Андрею, дескать, не задерживайся, с Худoleyем разберусь без тебя.

– Павел Николаевич... Есть вещи, которыми не шутят! – церемонно сказал Худoley.

– Согласен. Есть такие вещи.

– Почему же вы так со мной поступили? – Худoley склонил голову набок, чтобы его укор был еще сильнее. – Мне кажется, что годы работы вместе, когда нам обоим не раз приходилось рисковать жизнью, когда мы грудью закрывали друг друга от бандитских пуль... Мне кажется, что все это дает право надеяться на иное отношение с вашей стороны! – Удачно выпутавшись из обилия слов, Худoley горделиво вскинул голову.

– Никаких шуток. – Пафнутьев покачал головой. На него худoleyевское красноречие почти не действовало, он заранее знал, чем кончится разговор. – Все это очень серьезно и очень печально.

– Я согласен с тем, что это действительно печально, – скорбно проговорил Худoley. – Передавая мне сверток, вы заверили меня, что внутри находится священный напиток, к которому мы стремимся всю жизнь и которого нам всю жизнь не хватает.

– Ты о чем? – удивился Пафнутьев со всей искренностью, на которую только был способен.

– Вы заверили меня, что передаете... Ведь вы прекрасно понимаете, что я имею в виду! – Худoley не мог, просто не мог вслух произнести слово «водка», не поворачивался языком, это казалось ему чуть ли не кощунством.

– Понятия не имею!

– Вы сказали, что здесь... Это... водка, – выдавил наконец из себя Худoley. – Вы посмеялись надо мной, Павел Николаевич, посмеялись зло и несправедливо! – Худoley опять оскорбленно вскинул голову.

– Никаких насмешек! – сурово произнес Пафнутьев. – Там действительно водка. Можешь попробовать. Она, правда, вместе с закуской, но это уж не моя вина.

– И вы предлагаете мне... Вы предлагаете мне с утра вот это?! – потрясенный Худoley отшатнулся и, чтобы не упасть, оперся спиной о стену.

– Я предлагаю тебе сфотографировать эту чрезвычайно важную улику. Она, надеюсь, поможет нам выйти на след опасной банды, которая вознамерилась прибрать к рукам весь город! – выпалил Пафнутьев, давая понять, что и он может не хуже Худолея играть словами.

– О боже, боже, – Худолей, из последних сил переставляя худенькие вздрагивающие ноги, подошел к столу и присел. Баночку он поставил на стол таким образом, что глаз Левтова укоризненно и строго уставился прямо на Пафнутьева. – А я-то старый, безмозглый дурак, наивный, простодушный человек, решил было, что вы с утра вспомнили обо мне, позаботились о моем самочувствии... Я-то подумал, что годы, проведенные в этих простреливаемых насквозь коридорах, дают мне право надеяться... – Выдох у Худолея был таким тяжким и долгим, что он даже съежился, стал меньше, хотя казалось бы – куда уж дальше.

– Ладно, – сдался Пафнутьев. – Осознал. Исправлюсь.

– Точно? – расплылся в улыбке Худолей, прижав к груди красноватые с голубыми прожилками ладошки. – Неужели я не ослышался, Павел Николаевич?

– Со слухом у тебя все в порядке.

– У меня и с чувством долга все в порядке. И с профессиональным мастерством, с преданностью друзьям тоже полный ажур, дорогой Павел Николаевич! – строго сказал Худолей.

– Рад слышать.

– Мне показалось по вашему голосу, Павел Николаевич, что вы намерены прямо сегодня, не откладывая в долгий ящик, исправить возникшее между нами недоразумение? Я правильно понял? Должен сказать, что между соратниками, единомышленниками, борцами единого фронта не должно оставаться недоразумений! – Худолей требовательно сверлил Пафнутьева несчастными своими, красноватыми глазами.

– Заметано, – устало сказал Пафнутьев.

– Во! – восторженно вскочил Худолей и тут же схватился за спинку стула, чтобы не упасть. – Я всегда говорю, что нам всем здорово повезло жить в одно время с вами, Павел Николаевич! – И он церемонно поклонился. – Общаться с вами, видеть... Даже видеть вас – уже счастье!

– Спасибо. Много доволен.

– А водка в баночке, между прочим, неважная, – улыбаясь сказал Худолей.

– Неужели попробовал?! – ужаснулся Пафнутьев.

– Нет, только понюхал. Этот плавающий объект, между нами говоря, запаху никакого не дает... Так что водочная вонь сохранилась во всей своей прелести. Не то жженая резина, не то поддельный ацетон... Должен вам сказать, что в городе всего два-три киоска продают такую дрянь. От этой водки, Павел Николаевич, не просто голова болит, такое ощущение, что в нее, в голову, вбит кол. Кроме того, видения посещают, сплошь мерзкие, отвратные видения, нелюди какие-то... А внутренности выгорают начисто. Ничего от них не остается. И все эти киоски расположены в тупике девятого номера трамвая. Как это в народе поется... Шел трамвай девятый номер, на площадке кто-то помер... Вот так-то, Павел Николаевич! – сказал Худолей, уходя.

Он знал цену своему сообщению, знал, что честно заработал бутылку хорошей водки.

* * *

Какие громадные, можно сказать, бесконечные табуны машин стояли совсем недавно вдоль железных дорог! Подъезжая к любому большому городу, из окна можно было видеть целые гектары земли, покрытые разноцветными легковушками. Их засыпало снегом, их полоскали дожди, они раскалялись на солнце и промерзали до последнего винтика во время зимних холодов. Проходили годы и годы, а они стояли без движения, разве что во время отпуска истосковавшийся по просторам автовладелец выкатывал с такой вот стоянки свою ненагляд-

ную и ехал в соседнюю деревню, показать родне, как многого он добился в жизни – ездит на своей машине.

Да, это надо признать – не вписывался автомобиль в образ жизни большинства людей, не вписывался. А машина действительно говорила о многом, машина и в самом деле подтверждала – этот человек времени зря не терял, он кое-чего добился. Десятилетия экономии на детских вещах, на собственном питании, на одежде и отпусках оборачивались в конце концов покупкой машины. А через некоторое время человек с жутковатым прозрением начинал понимать, что машина ему не нужна, не может он ею пользоваться. Нет стоянки у дома, нет стоянки у завода, нет времени и сил, чтобы насладиться дорогой. И он, смазав все, что можно было смазать, оставлял ее на вечной стоянке в пригороде, где собирались тысячи таких же новых, необъезженных еще машин, оставлял до лучших времен.

Детям, дескать, достанется.

А дети, повзрослев, хотели других машин, не столь громоздких и тяжеловесных, не столь тусклых и узколобых, не столь прожорливых и тесных.

Короче, дети мечтали о современных машинах.

Однако с наступлением новых, демократических времен эти многотысячные табуны машин постепенно рассосались, исчезли куда-то. А куда они могли исчезнуть – перебрались на городские улицы. И оставляют их теперь где попало – у дома, на обочине, во дворе. Романтическая эпоха увлечения машинами, когда для счастья достаточно было ее иметь и постоянно видеть, эта эпоха закончилась. Теперь для счастья на машине надо было ездить. Дошло все-таки, до многих дошло, что метро утомительно, что автобусы редки и переполнены, что ходить пешком приятно в лесу, в поле, а отмерять шагами квартал за кварталом по грохочущим улицам...

На это просто не остается сил.

Неожиданно выяснилось, что машины нужны не только преуспевающим, они нужны всем. И не в качестве наследства, будущего дара детям, а сегодня, сейчас, каждый день. И покрылись города бородавками ракушек, и хлынули потоки подержанных машин из-за всех рубежей, и образовались на улицах пробки там, где раньше и машину было увидеть непросто.

Газеты запестрели объявлениями о турах в Голландию и Германию, в Данию и Швецию за машинами, пришли люди, сделавшие машины своим заработком, своей профессией, и, конечно же, появились преступления, так или иначе связанные с машинами. Водители перестали ездить на окраины города, останавливаться в безлюдном месте, стали избегать подсаживать пассажира, и лишь совсем безрассудные могли остановиться на дороге за городом и подобрать женщину ли с ребенком, мужика ли на костылях, израненного путника.

Нельзя.

Опасно.

Смертельно опасно.

Да и в городе вот так запросто остановить машину и попросить водителя подвезти стало почти невозможно.

Но любые препятствия преодолимы для ищущей человеческой мысли.

* * *

Серая, цвета мокрого асфальта «девятка» едва свернула с центральной улицы, как на ее пути возник гаишник. Что он в ней такого-этакого увидел, какое нарушение заподозрил, неизвестно, но повелительным движением полосатого жезла предложил водителю прижаться к бордюру и остановиться.

И тот остановился.

Сквозь заднее стекло видно было, как водитель отстегнул ремень, полез в карман за документами. Он уже открыл дверцу, готовый выскочить и бежать к гаишнику, чтоб тот, не дай бог, не рассердился за его нерасторопность, но тот сам открыл дверь с другой стороны.

– А чего я натворил-то? Вроде ехал, как все люди? – спросил водитель. Он был в годах, полноват, и даже в машине было видно, что росту в нем совсем немного.

– Подвезешь? – спросил гаишник, улыбаясь.

– Это всегда пожалуйста, – с облегчением проговорил водитель, пряча документы в карман. – А то уж, честно говоря, малость сдрейфил. Водитель я не ахти какой, ну, думаю, опять подзалетел.

– Да нет, все в порядке. – Гаишник поудобнее уселся на сиденье, небрежно набросил ремень, не пристегивая. – Сейчас направо и через три квартала высадишь.

– Сделаем. – И водитель тронул машину.

Капитан снял фуражку, вытер внутри носовым платком, снова надел. Но тут же опять положил фуражку на колени.

– Не жарко в форменном-то головном уборе? – спросил водитель.

– Жарко не жарко... А носить надо. Вон там на углу поворот направо.

Капитан был красен от жары, волосы его под фуражкой взмокли, по полноватой щеке медленно стекала капля пота. Но он, казалось, не замечал, глядя в лобовое стекло. Глаза у капитана были слегка навывкате, какого-то голубовато-белесого цвета, а от привычки держать голову в этакой горделивой манере у него четко выделялся второй, достаточно обильный подбородок с красноватыми порезами после бритья.

Едва машина свернула направо, капитан опять принялся протирать клеенчатое нутро фуражки. Потом вытер щеки, шею и, кажется, готов был забраться даже к подмышкам, но остановился и спрятал платок.

– Видишь столб с какой-то вывеской? Вот возле столба и останови, – сказал он почему-то недовольным голосом.

Только после этих слов водитель искоса, осторожно, но внимательно посмотрел на капитана. Что-то его насторожило, вернее, что-то ему не понравилось. Ну, в самом деле, он везет его, куда тому хочется, не капризничает и не брюзжит, и капитан мог бы вести себя благодарнее, что ли.

– Столб так столб, – проворчал водитель.

– Сколько машине лет? – спросил капитан, придирчиво оглядывая салон.

– Полгода! Не видите – три тысячи на спидометре.

– Три тысячи – это хорошо, – произнес капитан несколько странные слова, но водитель не обратил на них внимания. Мало ли, кто как выражает свое отношение к чему бы то ни было. Он-то знал, что машина в порядке, отличная машина, едва ли не лучшая из всего, что выпускалось в стране.

И хотя ехали они по совершенно пустой дороге, водитель заблаговременно включил правый поворот, прижался к бордюру и остановился у самого столба, на котором бойкие киоскеры вывесили рекламу хозтоваров со стрелкой – во двор, в полуподвал.

Капитан сидел неподвижно, прижав подбородок к груди, отчего выглядел и в самом деле горделиво, даже с каким-то превосходством. Едва машина остановилась, он перегнулся за спиной водителя и поднял кнопки, блокирующие задние двери. В ту же секунду из придорожных кустов выскочили несколько человек и, не теряя ни единой секунды, уселись на заднем сиденье.

– Спасибо, отец. – Капитан вышел из машины, и на его место тут же уселся длинный, нескладный человек с землистым цветом лица. Капитан захлопнул дверцу, помахал рукой и направился к трамвайной остановке.

– Поехали, мужик, – сказал длинный. – Нам прямо.

– Не понял, ребята, – в полной растерянности пробормотал водитель, но начал, только сейчас начал понимать происходящее, только сейчас дошло до него – плохо, очень плохо может закончиться для него и эта поездка, и этот день.

– Все ты понял, папаша, – раздался сзади какой-то глумливый голос. – Если такую машину купил, значит, не круглый дурак... Будешь хорошо себя вести, может, и внуков еще увидишь. Есть внуки-то?

– Есть, – прошептал водитель, вдруг почувствовав на шее петлю из тонкого стального тросика. Тот, кто сидел сзади, улучив момент, набросил на него удавку ловко и даже как-то привычно.

– Дышать можешь?

– Могу, – закашлялся водитель.

– Вот и дыши. Езжай прямо... – И один из сидевших опустил кнопку передней двери. Теперь водитель уже не мог вывалиться на повороте, как он уже решил было сделать. Да и тросик впивался все сильнее. – Машина твоя?

– Моя.

– И записана на тебя?

– Да.

– Где ж столько денег взял, а, папаша?

– Квартиру продал.

– Напрасно... Квартиры нельзя продавать... Квартиры можно только покупать. А теперь видишь, как получается, ни квартиры, ни машины.

– Заткнись, Женя, – бросил сидевший рядом с водителем долговязый, пожилой, с серым, неживым каким-то цветом лица... Сказал негромко, не оглядываясь, но сзади сразу наступила тишина.

Машина миновала последний светофор, дорога сразу стала хуже, разбитая тяжелыми самосвалами, которые носились здесь чуть ли не круглые сутки – за лесом началось строительство нового поселка для «новых русских». Дома там строили кирпичные, трех-, четырехэтажные, с подвалами и мансардами, со смотровыми, банкетными площадками и башенками для винтовых лестниц. Поэтому требовались краны, бетономешалки, экскаваторы, бульдозеры. И хотя по дороге постоянно мчались грузовики с песком, щебнем, бетоном, люди здесь почти не встречались.

Город кончился, дачный пригород тоже остался позади. Впереди была только городская свалка. И водитель понял, куда едет, лишь когда впереди показался жиденький дымок, поднимающийся над горами мусора, и почувствовалась кисловатая вонь гниющих отходов.

– Может, договоримся, ребята? – спросил водитель.

– О чем? – спросил долговязый.

– Ну, все-таки...

– Мы уже обо всем договорились. Сказали ведь тебе, что не надо было квартиру продавать. Правильно сказали. Где у тебя документы на машину? Ты слышишь? Права, техпаспорт... Ну?

– В заднем кармане...

Долговязый сам полез в карман водителя и вынул тонкую пачку документов. Внимательно просмотрев их все, сунул себе в карман пиджака, на нем был явно великоватый полосатый пиджак. Впрочем, возможно, пиджак и не был слишком большим, но худоба этого человека делала всю его одежду вроде не по росту.

– Останови, – сказал он. – Вон там, возле деревьев.

– Ребята, – просипел посиневший от недостатка воздуха водитель, – любые бумаги подпишу... Все, что хотите... Не кончайте только... Мне еще детей на ноги ставить...

– Наливай, – чуть обернулся назад долговязый.

И тут же за спиной водителя раздалось легкое побулькивание. По звуку можно было догадаться, что наливали из бутылки в стакан. Долговязый, не глядя, сунул руку назад, взял стакан и протянул водителю.

– Пей, мужик.

– Что это?

– Пей, говорят. Если сердце хорошее, выживешь.

– А если плохое?

– Загнешься через пару часов.

– Ребята... – простонал водитель.

– Кончай причитать, – впервые повысил голос долговязый. Из кармана пиджака он вынул рукоятку, нажал медную кнопку. Раздался щелчок, и из болванки выскочило длинное прямое лезвие. – Выбирай, папаша... Хочешь, удавим, хочешь, горло тебе сейчас вспорю, как барану. Или пей.

Осторожно, будто уже в этом был какой-то вызов, водитель глянул в окно – вокруг не было ни души. Только на дальней стороне большого пологого оврага, превращенного в свалку, стоял самосвал с поднятым кузовом. Но и возле него тоже не было ни души. Долговязый заметил его взгляд, усмехнулся.

– Хорошее местечко мы выбрали, да?

– Что это? – спросил водитель, показывая глазами на мутноватую жидкость в стакане.

– Отключишься немного... Немного забудешь, кто ты есть и как тебя зовут... А потом ничего... Очухаешься. Смертельные случаи очень редки. У нас ведь не было смертельных случаев?

– От этой заразы не было, – отозвался тот же похотывающий голос. – Не надо бы нам здесь стоять слишком долго, – добавил он. – Чего не бывает...

Водитель взял стакан, и по тому, как задрожала жидкость, можно было догадаться, в каком он состоянии. Потеряв терпение, долговязый, не очень-то стараясь быть осторожным, ткнул ножом в шею водителя. Из-под лезвия потекла тонкая струйка крови. Он нажал сильнее, и лезвие легко, даже как-то охотно погрузилось в потное тело водителя. А едва долговязый убрал нож, как сзади глумливый изо всей силы ударил водителя кулаком в ухо. И тут же последовал удар с другой стороны.

– Кончать его надо, – сказал долговязый.

И тогда водитель, не обращая внимания на кровь, которая заливала уже всю его грудь, заглянул в стакан и, подержав его еще несколько секунд на весу, поднес ко рту и залпом выпил до дна.

– Молодец, папаша, – сказал долговязый и, открыв дверь, вытолкнул водителя из машины. Тот упал на четвереньки, отполз в сторону и опрокинулся на спину.

– Может, добить?

– Сам дойдет, – ответил долговязый. – Поехали.

С заднего сиденья поднялся невысокий парень с темными прямыми волосами и пересел на место водителя. Он, кажется, за всю дорогу так и не проронил ни единого слова. По тому, как он завел машину, сдал назад, развернулся, в нем чувствовался хороший водитель. Прошло не более двух-трех минут, а машина уже миновала свалку, строящийся поселок и въехала на тихую улочку дачных домиков, построенных еще в те времена, когда действовали строгие ограничения на размеры домов, и потому все они были примерно одного размера.

Заросшая улочка вскоре кончилась, и машина въехала на площадь, окруженную пятиэтажными блочными домами. Вдоль домов по кругу были уложены трамвайные рельсы. «Девятка», доковыляв сюда из города, разворачивалась и шла в обратную сторону. Рельсы были почти не видны в траве, очерченный ими круг тоже зарос крапивой, лебедой.

Прижавшись к тротуару, машина остановилась.

– Всем все ясно, да? – спросил долговязый. – Вы двое, – он полуобернулся назад, – возвращайтесь в город на трамвае. Мы с Афганцем загоняем машину. Вопросы есть?

– Разбегаемся. – И двое парней тут же вышли из машины и направились к трамвайной остановке. Оба они выглядели какими-то мелковатыми, в чем-то похожими, хотя один был порывистым, или, точнее сказать, дергающимся, а второй – неторопливым, замедленным.

– Поехали, – скомандовал долговязый.

Машина снова въехала на зеленую улочку и метров через пятьсот остановилась. Долговязый открыл ворота. В глубине двора, в зарослях яблонь, просматривался гараж, сложенный из красного кирпича. Заперев ворота на улицу, долговязый открыл гараж, и машина въехала внутрь. Закрыв и эти ворота, повесив снаружи в приваренные петли тяжелый замок со стальным блестящим стержнем, долговязый отряхнул руки.

– Ну что? – спросил Афганец. – Вроде все нормально?

– Вроде... – Долговязый прошел к воротам на улицу, осмотрел их, проверил замок, а вернувшись в сад, присел к небольшому деревянному столику. Положив тяжелые, переплетенные венами руки на выгоревшие доски, он на какое-то время замер. Лицо его было покрыто редкими глубокими морщинами – две спускались от носа мимо рта, лоб тоже был морщинистым, да и шея выглядела жилистой. Вообще вид у него был изможденный, предельно усталый.

Второй парень, темноволосый, которого он назвал Афганцем, был гораздо моложе, пошустрее, но тоже молчаливый. Присев к столу, он откинулся спиной на ствол яблони и закрыл глаза. Видимо, не принято было у них радоваться удаче, обсуждать, болтать без умолку, перебирая подробности свершенного.

– Как ты думаешь, Петрович, – заговорил парень, – старик-то выживет?

– А кто его знает... Может, и выживет.

– Может и помереть?

– Это все могут, – усмехнулся Петрович, и морщины его чуть раздвинулись. Зубы у Петровича оказались длинными, желтыми, не то прокуренными, не то испорченными. Скорее прокуренными, все-таки крепкие были у него зубы. – Вобла хорошо сегодня сработал... Машину подобрал неплохую.

– Повезло, – откликнулся парень, не открывая глаз. Солнечные зайчики, пробиваясь сквозь листву, скользили по его лицу, по сложенным на груди рукам.

– Хорошая машина, – повторил Петрович, и в его словах прозвучала настойчивость, видимо, по-разному относились они к тому, кого называли Воблой. – Смотайся в дом... Там в холодильнике что-то должно быть... Да, Коля, – остановил он поднявшегося парня, – в морозильник загляни.

Афганец вернулся минут через пять. В руке он держал бутылку водки, на горлышко был надет стакан, в другой руке болтался целлофановый пакет с просвечивающими изнутри помидорами и хлебом.

– А почему один стакан? – спросил Петрович.

– Не буду.

– Твое дело... Не хочется? – Петрович открыл бутылку, налил себе больше половины стакана.

– Нет... У меня другое.

– Травка?

– Кто к чему привык, – ответил Афганец и снова сел, опершись спиной о яблоню и закрыв глаза. Он не был ни кавказцем, ни мусульманином, нет, Афганец – это была его кличка. Темные волосы, смугловатая кожа, привычки, вынесенные из Афганистана, – все это и определило кличку.

Петрович выпил, отломил корочку хлеба, понюхал, глубоко вдохнув в себя воздух, так что, наверно, мелкие крошки хлеба тоже оказались втянутыми в нос. Потом разломил помидор и сунул половинку в рот.

– Машина, конечно, хорошая, – негромко проговорил Афганец. – Согласен, ничего машина... Хорошо сработал Вобла... И мы хорошо сработали... Мы вообще прилично работаем.

– Ну? И что из этого?

– Ты же знаешь, Петрович, к чему я клоню... На дядю работаем.

– Каждый делает свое дело.

– Конечно... Одни на дорогах жизнью рискуют, другие в кабинете кнопки телефонные нажимают...

– Разберемся, – негромко обронил Петрович и налил себе еще водки. – Разберемся.

– Я вот подумал... А может, мы того... Может, мы и не угоняли эту «девятку», а?

– Вобла доложит.

– А он нам нужен? – Легкая, расслабленная улыбка блуждала по губам Афганца, солнечные зайчики скользили по его закрытым глазам, и слова, казалось, были просты и необязательны. Но Петрович знал им цену, знал, насколько они опасны, услышь их кто-нибудь другой.

– Да, Вобла нам нужен.

– Жидковат он маленько... Трусоват.

– Пусть... Больше всего он рискует своей головой. Назад ему пути нет. Знаю, что он хитрожопый, вижу его насквозь. Не знаю, опускали ли его, но... У нас опущенные такие вот были.

– Сторонится он тебя. Чует. Что-то он в тебе чует, в глаза не смотрит...

– Вижу, Коля... Все вижу, – Петрович подпер голову руками, отчего морщины сделались еще глубже и расположились так, что лицо приняло выражение печальное и какое-то обиженное. Но Афганец уже знал, насколько ошибочно это впечатление. Петрович был один на этой земле, и его ничто не могло остановить, изменить принятое решение. Усталый, поникший вид изможденного работника много раз выручал его, и Петрович знал, что не надо ему менять свою внешность, не надо наряжаться и хорохориться, не надо распрямлять плечи и горделиво вскидывать подбородок. Глупо все это, ничемно и недостойно.

– Маловато нас, – обронил Афганец.

– А сколько нас? – оживился Петрович. – Кто знает, сколько нас? Может, нас десять человек, может, все сто! Да я один могу такого шороху навести, что город на дыбы встанет! Один!

– Так-то оно так...

– Никто перед нами поперек дороги не стоит, никто! А появится – уберем! Уберем?

– Запросто, – улыбнулся, не открывая глаз, Афганец. – Всех уберем, как тех ребят в джипе... А их глаза разложим по баночкам и разошлем по родным адресам. Потом сделаем кучу денег и отнесем одному человеку. На, дескать, живи, дорогой, радуйся.

– Разберемся, – проворчал Петрович. – Во всем разберемся. Только болтай поменьше.

– Я не болтаю, я делюсь.

– Поделился и заткнись. Слушай меня, Коля, и запомни мои слова... Деревья слышат, дом слышит, воздух слышит... Не произноси вслух ничего, чего не положено знать другим. Все слова, которые вслух произнес, у тебя на морде написаны. Они вот на этой листве отражаются, на солнечных зайчиках, на складках твоей рубахи! – Петрович впервые повысил голос. – Думаешь, что ты осторожный, хитрый, предусмотрительный... Ни фиги! Если слово сказано, оно уже влияет на другие слова, на морду твою, на взгляд! Сидишь ты уже не так, стоишь ты не так, водку пьешь иначе! И люди это замечают. Не все, но те, кто имеет дело с кровью, смертью... Замечают. Мы все по ножу ходим, и никто не знает, сколько кому еще ходить. Сами ввязались в схватку, и отступать некуда. – Петрович налил в стакан водки из бутылки, принюхался, сморщился с отвращением. – До чего же гадкая водка! Где они ее брали?

- Возле трамвайной остановки, – улыбнулся Афганец. – Не нравится?
- Придется с этими киоскерами разобраться.
- Не надо с ними разбираться. Надо водку в центре брать, а не где попало.
- Тоже верно. – Петрович поднялся. – Пойду вздремну. Ты как?
- В саду лягу. – Афганец показал на раскладушку, стоявшую в тени. – Да, Петрович... А что с глазом? Вобла ничего не докладывал?
- Молчит. Но если что-то начнется, будет знать. Мимо него никак не пройдет. А ты говоришь, зачем Вобла... Вот затем и Вобла. Завербовали дурака, денег посулили, пусть служит.
- А нам не удалось ни одного духа завербовать.
- Потому и войну проиграли, – усмехнулся Петрович и направился к дому. И походка его тоже была усталой и какой-то безнадежной.
- Солдаты войны не проигрывают. Войны проигрывают полководцы, – сказал ему вслед Афганец.
- Утешайтесь, – обернулся с улыбкой Петрович. – А духов вам завербовать не удалось. А нам удается.
- Это не духи, это дерьмо.
- Лишь бы пользу приносило! – уже с крыльца крикнул Петрович.
- Каждый так думает, пока не поскользнется на этом самом дерьме!
- Смотри, куда ступаешь, – донеслись с веранды еле слышные слова Петровича.
- «Вот и смотрю», – уже про себя пробормотал Афганец, да так и остался сидеть, прильнув спиной к яблоне и запрокинув голову. Потом оттолкнулся от шершавого ствола, встал, прошелся по саду, осмотревшись по сторонам, вынул из какой-то щели в одежде непривычной формы нож – видимо, ножны были закреплены на бедре. Нож был достаточно длинный, сантиметров пятнадцать. Сорвав листок с яблони, он разрезал его пополам с торца. Нож прошел сквозь листок легко, не зацепившись ни за одно волоконец. Еще раз опасливо оглянувшись, Афганец снова спрятал нож, раздвинув штанину на бедре. Разрез он снова затянул вшитой «молнией». Похоже, о том, что у него есть это оружие, не знали даже самые близкие приятели.
- Так-то оно лучше, – пробормотал он. – Так-то оно спокойнее. Солдаты все-таки войны не проигрывают. А вы, умники, думайте. – И он направился к раскладушке, стоявшей под яблоней, в играющей солнечными зайчиками тени.

* * *

Когда на следующее утро Пафнутьев шел по коридору к своему кабинету, то невольно обратил внимание на нескольких человек, стоявших в углу у маленького столика. Они и в самом деле обращали на себя внимание – была в их облике какая-то независимость, может быть, даже вызов. Обычные посетители прокуратуры так себя не ведут. Когда Пафнутьев подошел к своей двери, один из них отделился и направился к нему.

– Здравствуйте. Павел Николаевич, – сказал подошедший и почтительно остановился в двух шагах.

– Здравствуйте, – Пафнутьев посмотрел ему в лицо и понял, что он никогда до этого с этим человеком не встречался. Это уже хорошо, подумал Пафнутьев и, справившись наконец с дверным замком, шагнул в кабинет. Но зацепился пиджаком за ручку двери, пошатнулся и, взмахнув рукой, невзначай оперся на незнакомца. И сразу догадался, что у того под мышкой спрятано что-то твердое, что-то выступающее. Нечто такое, что всем показывать нежелательно.

– Да, вы правы, – улыбнулся незнакомец. – Это пистолет. Я могу войти?

– Входите, если мне это ничем не угрожает.

– А если угрожает?

– Тогда лучше не входить.

– Нет, я все-таки войду.

Пафнутьев бросил на стоячую вешалку кепку, пиджак повесил на спинку жесткого кресла. После этого плотно уселся, положил руки на полированную поверхность стола и поднял голову.

– Присаживайтесь.

– Спасибо.

Человек, который так решительно вошел к нему, Пафнутьеву понравился. Не было в нем мелочной суеты, какой-то недостойной значительности или игры в значительность, он нисколько не смутился, когда Пафнутьев нащупал пистолет у него под мышкой. Во всем его поведении было спокойствие и твердое знание, чего он хочет. Такое настроение Пафнутьев чувствовал сразу.

– Меня зовут Сергей Семенович, – сказал незнакомец.

– Очень приятно. Один вопрос – вас действительно так зовут?

– Хм... Ну вы даете, Павел Николаевич... Нет, меня зовут иначе, немного иначе...

– Семен Сергеевич?

– Да.

– Слушаю вас внимательно, Семен Сергеевич.

– Первый раз в прокуратуре, – растерянно проговорил гость. – Не знаю, с чего начать.

– Ну, раз тропинку к нам протоптали, теперь будете здесь чаще.

– Что вы имеете в виду?

– Да ладно! – махнул рукой Пафнутьев. – Что там у вас? Выкладывайте. Уж и пошутить нельзя, в самом деле! Какие-то вы все немного испуганные.

– Кто все?

– Посетители.

– А... Значит, так. – Сергей Семенович или Семен Сергеевич вздохнул, посмотрел на Пафнутьева. – Значит, так, Павел Николаевич... наших ребят три дня назад расстреляли в джипе. Слышали?

– Так это ваших ребят, значит... И что же?

– С нами поступили плохо. Мы этого не заслужили. Работали не совсем законно, но без крови. Вели себя пристойно.

– Я, конечно, понимаю условность такого определения.

– И я его понимаю. Вам, Павел Николаевич, мы работы не давали. Согласны?

– Руки не доходили! – рассмеялся Пафнутьев.

– Мы не возникали, Павел Николаевич, – настойчиво повторил гость. – И не намерены были делать это в будущем.

– А теперь? Какие ваши намерения теперь?

– У нас нет выбора.

– Хотите начать отстрел?

– А что остается?

Пафнутьев некоторое время молча рассматривал необычного гостя. Упитанный, гладко выбритый, грамотно, коротко постриженный, одет тоже неплохо – светлый костюм, белая рубашка, галстук песочного цвета и, естественно, рукоятка пистолета под мышкой. Отличительные признаки... Шрам над правой бровью... Наколка в виде кольца на правом безымянном пальце – этих подробностей Пафнутьев просто не мог не заметить. Зачем он пришел? Сообщить о том, что начинает отстрел конкурентов? Но зачем об этом знать ему, начальнику следственного отдела? Просят поддержки? Но ведь мы не можем отстреливать бандитов, мы обязаны их брать живьем...

– Вы хотите объединиться со мной в борьбе с этими беспредельщиками?

– После того, как нам нанесли столь чувствительный удар, мы можем и не задумываться о средствах, – ответил гость. – Согласны?

Пафнутьев промолчал.

Гость явно увиливал. Он не сказал ничего определенного, отвечает вопросами, уходит от прямого разговора. Или же он попросту боится сказать что-то определенное, или же никак не может решиться произнести, ради чего пришел.

– Прекрасная погода, не правда ли? – сказал Пафнутьев, глядя в окно. – С утра прошел дождь, теперь вот солнышко выглянуло... Вы не намокли, пока добирались сюда?

– Нет, мы на машине.

– Хорошая машина?

– Джип.

– О! – восхитился Пафнутьев. – У вас, оказывается, не один джип? А то, когда вы сказали, что ваш джип расстреляли, я сразу как-то опечалился, посочувствовал... Как же, думаю, ребята будут теперь по городу перемещаться... Представляете? А теперь, когда вы сказали, что есть еще один джип, я сразу успокоился и про себя подумал, что теперь-то вы уж точно не пропадете. Какой национальности оставшийся джип?

– Японской, – ответил гость в некотором замешательстве. Он не понял ни слова из сказанного Пафнутьевым о погоде, о переживаниях и мучительно пытался сообразить, что стоит за всем этим словесным потоком.

– Японец? – восхитился Пафнутьев. – Это просто здорово! Какого цвета?

– Темно-зеленый.

– И все колеса ведущие?

– Все до одного.

– У меня нет такой машины. И никогда не будет.

– Почему же, – улыбнулся гость, уловив в словах Пафнутьева скрытый смысл. – Будет. И для этого достаточно сказать... Да, дескать, хочу джип.

– Не хочу. – Пафнутьев решительно покачал головой. – И не уговаривайте! Нет-нет-нет! Чтобы я владел японским темно-зеленым джипом со всеми четырьмя ведущими колесами?! Ни за что!

– Мне показалось, что вы... Вроде как не против...

– Я?! – Пафнутьев откинулся на спинку кресла. – Намекнул?! Нет, что вы! Для намеков надо иметь ум тонкий, изощренный, сообразительный, ум, способный просчитывать варианты на несколько ходов вперед! А я... Мой ум прост, примитивен, прямолинеен. Что вижу, то и пою. Если вы со мной согласны, что погода сегодня хорошая, я тем и счастлив. Со мной редко кто соглашается. Вот вы согласились, и мне уже приятно. Очень рад был повидать вас, познакомиться... Вы производите впечатление хорошего, порядочного человека. Если что понадобится, заходите, всегда буду рад. Только позвоните предварительно, чтобы я успел разбросать текучку и отдаться вам полностью и без остатка. Всего доброго! – Пафнутьев радушно протянул руку.

Но он недооценил своего собеседника. Пафнутьев ожидал растерянность, смущение, но ничего подобного не увидел – гость улыбался понимающе и спокойно.

– Сядьте, пожалуйста, со мной это бывает... Я не знаю банды, которая возникла на подведомственной вам территории. Но если они ведут себя так, я делаю вывод – беспредельщики. Никакие беспредельщики не могут действовать слишком долго. Они обречены. Они скорее всего взорвутся сами, изнутри.

– Очень даже может быть, – кивнул Пафнутьев. – Но могут пройти годы, пока произойдет предсказанный вами взрыв.

– Я не знаю о них ничего. Возможно, прибыл какой-то крутой авторитет и решил заявить о себе. Возможно, недоразумение, хотя это маловероятно. Помимо ребят, расстрелянных в джипе, пропал еще один наш человек, возможно, его похитили...

– Фамилия?

– Видите ли, мне бы не хотелось...

– Фамилия? – твердо повторил Пафнутьев.

– Левтов. – Его нет. Среди живых его нет.

– Вы уверены?

– Да, – кивнул Пафнутьев. – Мы его найдем, или вы его найдете... Но... Он мертв.

– Вот, значит, как. – Гость помолчал некоторое время, привыкая к новости, которую сообщил Пафнутьев. – Ну что ж, пусть. Но мы не сдаемся, Павел Николаевич. Будем работать. Не откажемся и от вашей помощи.

– Я тоже не откажусь.

– На это я и надеялся. Есть такой адвокат... Илья Ильич Огородников. Запомнили? Если ему зажать яйца дверью, он расскажет много интересного. Он выходил на нас от имени этой банды.

– А почему бы вам самим не заняться? Я ничего не могу зажать дверью, но вы-то можете?

– Если честно... Нет сил. Требуется время на перегруппировку. И потом... Мы не знаем, кто за ним, сколько за ним, кто он есть на самом деле. Нас и было немного, а стало еще меньше. Если подтвердится, что нет и Левтова...

– Уже подтвердилось.

– Вы так уверенно об этом говорите... У вас есть труп?

– Нет. Я не могу всего сказать, но здесь вы можете верить. Мне незачем пудрить мозги. Вы поделились, я поделился... Возможно, и в будущем сможете кое-что подкинуть... В долгу не останусь.

– Значит, и Костю хлопнули, – с неподдельной печалью проговорил гость. – Ну что ж, пусть так... Это придаст нам сил. – Гость поднялся. – Я могу вам звонить?

– Да, вполне.

– Вы уверены в своей команде? В этом здании? В вашем ведомстве?

– Да. – Пафнутьев помолчал, повертел в воздухе растопыренной ладонью. – В пределах возможного.

– Про вашу контору мне ничего не известно, но есть основания полагать, что в милиции у этих новеньких завелся свой человек.

– Вы уже к ним обращались?

– Можно и так сказать... Запустили утку... Или, как сейчас говорят, вирус... Решили проверить... Как видите, не отказываемся от контактов с правоохранительными органами.

– Так что утка? – спросил Пафнутьев почти безразлично.

– Крякнула.

– Выходили на Шаланду?

– Не так чтобы впрямую. – Гость помялся, ему, видимо, стоило усилий сдержать себя.

– Так, – кивнул Пафнутьев. – Ну, что ж... Телефончик не оставите? Или адресок? – Пафнутьев улыбнулся, понимая, что просьба его невыполнима.

– Позже, Павел Николаевич. – Гость тоже улыбнулся, уже от двери. – Мы немного узнаем друг друга, проникнемся доверием... Чего не бывает в жизни. Глядишь, вам все-таки приглянется темно-зеленый джип японской национальности, а?

– Как знать, как знать. – Не поднимаясь из кресла, Пафнутьев прощально помахал рукой утреннему гостю. Потом взял ручку и написал на листке отрывного календаря: «Илья Ильич Огородников, адвокат». – И за то спасибо, – пробормотал он.

* * *

Прошли, миновали времена, когда Шаланда мог сидеть за столом и на пыльной его поверхности рисовать пальцем замысловатые узоры, изображая внутреннее свое состояние – от подавленного, смятенного до восторженно-агрессивного. Перебравшись в кабинет городского начальника, он похудел, стал порывистее, проще говоря, непоседливее. И вовсе не потому, что изменился его характер, ничуть, изменилась криминальная обстановка, и уже не оставалось времени сидеть за столом и водить пальцем по пыли.

Да какая пыль!

По его столу за день проносилось такое количество документов, протоколов, фотографий и прочих криминальных бумаг, что там не то что пыль, там скоро могло вообще исчезнуть лакированное покрытие.

А вот обидчивость в нем осталась, обидчивость и постоянная подозрительность – не разыгрывают ли его, не пытаются ли выставить смешно и позорно. Поэтому доклады и донесения Шаланда выслушивал, как и прежде, внимательно, даже настороженно. И к посторонним присматривался как бы с сомнением, даже к тем, кого знал годы и годы.

– Привет, Шаланда! – радостно приветствовал его Пафнутьев, распахивая дверь и широко перешагивая через порог.

– А ты кто такой будешь? – хмуро спросил Шаланда, отрываясь от бумаг.

– Пафнутьев моя фамилия! Пал Николаичем зовут! В прокуратуре служу.

– Тогда входи, – улыбнулся Шаланда, приподнялся, пожал руку Пафнутьеву, приглашающе махнул в сторону приставного столика. – Все веселишься?

– А жизнь-то какая! Как же мне не веселиться, не балдеть от разных дел! В нашем городе начался откровенный беспредел! Слышал такую песню?

– Да ладно тебе... Чего пришел? – Шаланда исподлобья посмотрел на Пафнутьева, нехотя, с сожалением сложил бумаги в папочку, сдвинул ее на край стола. – Опять что-то не так?

– Да нет, все путем, все идет как надо... Зашел вот поговорить, на тебя посмотреть, себя показать... Вдруг, думаю, уж и забыл, как я выгляжу, а?

– Помню, как ты выглядишь, хорошо помню. А поговорить... Хуже времени ты не нашел? Самый разгар, суета, беготня... Некстати, Паша, боюсь, некстати.

– Прогонишь?

– Прогнать не прогоню, но и сильно радоваться тоже не буду.

– Меня это вполне устраивает. Можешь не радоваться, только не прогоняй. Полчаса выдержишь?

– С трудом, – честно признался Шаланда.

– Пусть так, меня и это устраивает.

– Ох и хитрый ты, Пафнутьев, ох и хитрый! – покрутил головой Шаланда. – Смотрю на тебя и думаю – неужели есть на свете люди, чтоб хитрее были?

– Что ты, что ты! Мне до тебя топтать и топтать! – Пафнутьев приложил руку к груди.

– Точно? – простодушно обрадовался Шаланда. – А мне кажется, что и дурноватый я, и недалекий какой-то, и все, кому не лень, ездят на мне, а?

– Брось, Жора! – махнул рукой Пафнутьев. – Ты и сам понимаешь, что это не так. Значит, слушай меня... Секретарша знает, что я здесь.

– Конечно, ты же мимо нее прошел.

– Дай ей такую команду... Пусть все, кто хочет, заходят к тебе прямо сейчас. Твои сотрудники. По любому вопросу. Повторяю – по любому вопросу пусть к тебе свободно заходят. Только она должна их предупреждать... Так, дескать, и так, там у него, у тебя то есть, Пафнутьев из прокуратуры, но можешь зайти, заходи, только не очень долго.

– А зачем все это? – Шаланда приник грудью к столу и внимательно уставился в глаза Пафнутьеву.

– Не хочу мешать твоему производственному процессу.

– Врешь! – убежденно крикнул Шаланда. – По глазам вижу, что врешь!

– Конечно, – легко согласился Пафнутьев. – Давай договоримся... Сделаем, как я тебя прошу, а перед уходом все выложу без утайки. Заметано? Когда зайдет твой человек, ты спокойно решаешь вопрос, с которым он пришел. На меня ноль внимания. Уйдет, мы снова с тобой начинаем обмениваться важными мнениями о криминальной жизни города. Ты одно говоришь, я другое, с другой колокольни... Ну?

– Ох, Пафнутьев, какой же ты хитрый... Мне иногда страшно становится, понимаешь, страшно? – обернулся Шаланда уже от двери.

Он вышел, с минуту его не было, видимо, давал указания секретарше. Конечно, Пафнутьев хотел бы при этом присутствовать, хотел бы убедиться, что Шаланда произносит именно те слова, которые требовалось, но не решился. Хорошо уже то, что тот разрешил провести этот маленький эксперимент в собственном кабинете.

Шаланда вернулся, сел на свой стул, жалобно пискнувший под его массой, и уставился в лицо Пафнутьеву, словно хотел что-то прочесть по его глазам.

– Скажи, меня знают в твоей конторе? – спросил Пафнутьев.

– Да тебя здесь каждая собака знает! Уже все управление в курсе, что пришел Пафнутьев по чрезвычайно важному делу. Поскольку Пафнутьев другими делами не занимается, – съязвил, как сумел, Шаланда.

– Ты сказал секретарше, что готов принять кого угодно по любому вопросу, как служебному, так и личному?

– Да уж сообразил!

– Молодец. Умница. В таком случае мы можем спокойно, без помех поговорить.

– О чем? – спросил Шаланда, всем своим видом показывая, как он страдает, как невыносимо ему заниматься болтовней пустой и никчемной.

– Что с тем джипом, который был расстрелян на окраине города три дня назад? Твои ребята что-нибудь выяснили?

Ответить Шаланда не успел – дверь в кабинет приоткрылась, и заглянул человек в форме. Он помолчал, ожидая, пока начальство повернется к нему, увидит его, узнает и примет решение.

– Входи, – сказал Шаланда. – Что у тебя?

– Талоны на бензин... Заправляться надо иногда... Подпишите вот здесь. – Капитан положил бумагу на стол.

– Так что с этим джипом? – напомнил Пафнутьев. – Там что, ни одного живого не осталось?

– Ни единого! – весело откликнулся вошедший капитан. – Я как раз был там... Люди они всегда люди, но те четверо... Бандю-ю-ю-ги. После них гильз на асфальте... Как гальки на пляже! Полный рожок выпустили.

– Автомат там же валялся?

– Нет, не было автомата, не было. – Вошедший взял подписанную бумажку, всмотрелся – все ли правильно на ней оформлено, и пошел к двери, полагая, видимо, что, если он нужен, его задержат.

– Что из этого следует?

– Из этого следует, Павел Николаевич, – вмешался Шаланда, почувствовав себя уязвленным оттого, что разговор идет без него, – из этого следует, что если это были и профессионалы, то не очень высокого класса, не очень. Пожлобились автомат выбросить.

– Значит, он им еще пригодится, – пробормотал Пафнутьев, провожая взглядом посетителя.

Когда дверь за ним закрылась, Шаланда некоторое время насмешливо смотрел на гостя.

– Ну, побывал у меня человек, подписал я ему требование на талоны, дальше что?

– Ничего, – беззаботно передернул плечами Пафнутьев. – Продолжаем нашу приятную беседу. Кстати, кто это был?

– Автохозяйством командует. Капитан Кротов.

– Очень приятный человек, – похвалил Пафнутьев. – Так что с джипом? Никаких следов, зацепок, подозрений, никаких анонимных звонков от бдительных граждан?

– Понимаешь, какое дело, – Шаланда покряхтел, пытаясь сосредоточиться. – Джип каждый день подъезжал к этому месту и останавливался почти на одной и той же точке. Рядом с водочным магазином. Видимо, эти ребята брали с директора дань. Поэтому убийцы знали, где нужно подстеречь...

– Можно? – заглянул в дверь еще один посетитель, тоже капитан, как успел заметить Пафнутьев.

– Входи, – с легким раздражением кивнул Шаланда.

– Кротов сказал, что вы интересуетесь джипом, а я как раз им занимался... Вдруг, думаю, ко мне будут вопросы. – Капитан остановился у двери, ожидая решения Шаланды. Его глаза были спокойны, и он, похоже, с равным бы удовольствием и ответил на вопросы, и вышел за дверь. Горделивая осанка, вскинутая голова, из-за чего у него как бы сам по себе возникал второй подбородок, делали его похожим на суслика, стоящего на задних лапках и озирающего окрестности.

– Нападающие не оставили никаких следов? – спросил Пафнутьев.

– Кроме гильз, ничего. Они и не приближались к джипу.

– Стрелял один?

– Да, но были еще несколько, они вроде как на подхвате стояли.

– Как же сумел один человек, не приближаясь к джипу, расстрелять четверых?

– Стрелять он начал, когда те только подходили к машине. Они уже полуживыми заползли внутрь... Трое, во всяком случае. Один остался на асфальте.

– Убийцы уехали?

– Нет, дворами ушли. А уже там, возможно, сели в машину. Но с места преступления ушли через двор, – повторил большеглазый капитан, все еще стоя у двери. Он сделал один лишь шаг к начальственному столу и остановился на почтительном расстоянии. – А что, есть новые данные?

– Есть, – кивнул Пафнутьев. – Они были в масках?

– Какие-то колпаки с прорезями... Так что, вышли на них?

– Вышли, – кивнул Пафнутьев. – У меня больше нет вопросов.

– Идите, – сказал Шаланда.

– Если понадобится, буду у себя. Там есть еще кое-какие подробности.

– Какие? – быстро спросил Пафнутьев.

– Если это важно... Я принесу дело, и мы можем поговорить подробно? – не то спросил, не то предложил капитан.

– Чуть попозже, – сказал Пафнутьев. – Чуть попозже, – повторил он с видом сонным и вялым. Сразу было видно, что дело это ему надоело до чертиков, и если он им интересуется, то только по опостылевшей обязанности.

– Спасибо, Вобликов, – сказал Шаланда удаляющемуся капитану. – Хороший работник, – сказал он, когда дверь за ним закрылась. – Цепкий.

– Давно он у тебя? – скучающе спросил Пафнутьев.

– Года три его знаю... Так что, продолжим?

И они продолжали обсуждать подробности бандитской разборки на окраине города, происшедшей несколько дней назад. Или Шаланда об этом происшествии знал больше, или же Пафнутьев притворялся, что многое слышит впервые, но, как бы там ни было, оба чувствовали, что обсудили дело не зря, многое стало ясно, как это обычно и бывает, когда вещи называются своими именами. Пусть не выяснилось ничего нового, но слово, произнесенное вслух, обладает некоей физической силой, и те подробности, которые для того же Шаланды были неопределенными, недоказанными, теперь стояли перед ним явственно и зримо. Он был даже благодарен Пафнутьеву за то, что тот навязался с этим разговором. Но признать, а тем более открыто сказать об этом старому своему соратнику Шаланда не мог, иначе это был бы не Шаланда.

Все это время продолжали заглядывать сотрудники с самыми разными вопросами – что-то нужно было подписать, в чем-то хотели получить согласие начальства, кто-то просто решил убедиться, что никуда ему не нужно нестись, никого не нужно хватать.

Несколько раз Шаланда поднимал трубку – когда заглядывала секретарша и молча указывала на телефон. Секретарша у Шаланды была полная, завитая, белокурая, с высокой грудью. На начальство смотрела с какой-то трепетностью, даже польщенностью, будто и не надеялась, что Шаланда возьмет трубку, когда она попросит его об этом.

Разговор отнял у Шаланды и Пафнутьева часа полтора, не меньше. Но ни один сотрудник, при котором они неизменно продолжали обсуждать происшествие, не вмешался в разговор, не задал ни единого вопроса. Вообще никто не проявил интереса к тому, что обсуждал их начальник с гостем из прокуратуры. Это был признак хорошего служебного тона, хорошей милицеевской школы, и Пафнутьев, не скупясь, отметил вышколенность подчиненных, их неподдельное уважение к руководству, но подал свое замечание так, будто все было результатом неустанной работы самого Шаланды. Тот покраснел от удовольствия, прямо-таки зарделся. Что делать, тщеславным был Шаланда, любил, когда его хвалят, тем более что, честно говоря, хвалили его гораздо реже, чем он того заслуживал.

– Легко тебе, я смотрю, работается! – воскликнул Пафнутьев.

– С чего ты взял? – начал сразу обижаться Шаланда.

– Отличные сотрудники! Деловые, грамотные, немногословные... Видят, что в кабинете чужой человек, ни тебе лишнего вопроса, ни внутренней проблемы, ни жалобы друг на друга... Это же не легко далось, а?

– Пришлось поработать. – Шаланда откинулся в кресле и снисходительно посмотрел на Пафнутьева.

– Вот смотри – обсуждаем убийство, от которого содрогнулся город, и ни один не вмешался в разговор, хотя, я уверен, многие твои подчиненные могли бы кое-что добавить.

– Ты же не просил об этом!

– Да! – воскликнул Пафнутьев. – Но какая тактичность, сдержанность! Представляешь, я просто ошарашен! Если бы мы с тобой затеяли такой же разговор у меня, не поверишь, полпрокуратуры набилось бы в кабинет и каждый вякал бы все, что знает и чего не знает! Бардак, понял? Полный бардак!

– Ты уж сам разбирайся со своими, – благодушно заметил Шаланда, жалея бестолкового Пафнутьева.

– Один только заглянул – не нужен ли, не хотят ли чего у него спросить... Этот, как его...

– Вобликов, – подсказал Шаланда. – Но он занимался этим делом, он действительно может кое-что прояснить.

– Руководил группой?

– Нет. – Шаланда махнул рукой, отметая такое предложение. – Был в группе. А руководил другой, майор Звягинцев.

– Что же он не зашел?

– А я его не вызывал.

– Вообще-то да, – согласился Пафнутьев.

– А что, пригласить? – Рука Шаланды потянулась к кнопке звонка, укрепленной на тумбочке стола.

– Нет, сейчас не надо, может быть, чуть попозже, чуть попозже... Как-нибудь в другой раз. Ты мне здорово помог, Жора. – Пафнутьев поднялся, с подчеркнутым уважением пожал Шаланде большую горячую ладонь. – Пойду. Дело к обеду, надо быть на месте. – Он продолжал произносить какие-то необязательные, пустоватые, в общем-то, слова с единственной целью – успеть попрощаться до того, как Шаланда спросит, зачем же приходил, зачем понадобилась вся эта комедия с секретаршей, с посетителями, разговорами при них.

– Будь здоров! – прогудел Шаланда уже возле самой двери и дружески похлопал Пафнутьева по плечу. Дескать, хороший ты парень, Пафнутьев, да и я ничего, хорошо к тебе отношусь и всегда помогу, когда тяжело станет, выручу, а то и, чего не бывает, спасу.

Пафнутьев вышел, плотно закрыл за собой дверь, махнул рукой секретарше, а оказавшись в коридоре, не глядя по сторонам, полубегом заторопился к лифтовой площадке. Он все еще опасался, что Шаланда вспомнит о начале их разговора, бросится за ним следом, зазовет обратно и все это будет тягостно и неловко.

Уже когда лифт остановился на площадке, когда распахнулись двери и Пафнутьев привычно оглянулся – не надо ли кого пропустить впереди себя, он наткнулся на настороженный взгляд капитана, который рассказал столько нового о преступлении на окраине.

Да, похоже, Вобликов поджидал его в коридоре – вдруг гость из прокуратуры захочет поговорить с ним подробнее, вдруг сообщит что-то интересное. Но Пафнутьев успел лишь приветственно махнуть ему рукой из кабинки лифта, и двери тут же захлопнулись.

«Действительно цепкий, – подумал Пафнутьев озадаченно. – Похоже, очень ценный работник».

Он уже не видел, как Шаланда, спохватившись, выбежал из кабинета в приемную, потом в широкий коридор управления, чтобы успеть остановить Пафнутьева, но не успел. Когда он подошел к лифтовой площадке, то увидел лишь мелькание убывающих цифр на табло – Пафнутьев был уже на первом этаже.

– Догнать? – с готовностью предложил Вобликов.

– Далеко не уйдет, – мрачно пошутил Шаланда и, тяжело ступая по ковровой дорожке, вернулся в кабинет. – Ах ты, плут поганый, – бормотал он, усаживаясь за стол. – Перехитрил все-таки... Что же ему надо было, а? Чего же хотел этот пройдоха прокурорский?

* * *

Едва Пафнутьев вошел в свой кабинет, как раздался телефонный звонок. Наверное, это были его пафнутьевские заблуждения, пафнутьевские фантазии, но ему частенько казалось, что всего лишь по телефонному звонку, по дребезжанию встроенного в аппарат колокольчика он может определить тон будущего разговора и даже догадаться, кто звонит. Это была мистика, ощущения на грани чего-то потустороннего, но Пафнутьеву нравилось так думать о своих способностях, и он не торопился отказываться от этих заблуждений. Тем более что частенько его мистические прозрения оправдывались, и каждый раз в таких случаях он радовался, как ребенок, и не скрывал своей радости.

И сейчас вот, едва подняв трубку, не дожидаясь, пока кто-то там, на другом конце провода, подаст голос, заорал:

– Рад слышать тебя, Шаланда!

И в ответ услышал тяжелую, напряженную тишину.

– Ну? – поторопил собеседника Пафнутьев. – Ну? Есть там кто-нибудь?

– Как ты догадался, что это я звоню? – настороженно спросил Шаланда. – У тебя что, определитель номера стоит?

– Если у меня что-то и стоит, то не определитель! – рассмеялся Пафнутьев. Его предвидение опять оправдалось, и он был откровенно счастлив. – Ты знаешь, какой у меня телефон – завхоз на складе нашел, пауков вытряхнул,дохлую мышь из трубки по частям вытащил и мне на стол поставил.

– Зачем приходил?

– Как?! – вскричал Пафнутьев. – Да мы же с тобой битых два часа обсуждали особо опасное преступление, случившееся в нашем любимом городе три дня назад, когда неизвестные преступники из автоматического огнестрельного оружия...

– Паша!

– Ну?

– Заткнись. Так что, не скажешь?

– Скажу. Но чуть позже, чуть попозже.

– А сейчас не желаешь? – Шаланда был любопытен и нетерпелив, как ребенок, которому пообещали игрушку, но день рождения будет только завтра, а игрушку ему хочется уже сегодня.

– Не могу. Я тем самым толкну тебя на рискованные и необдуманные действия. У меня одна только просьба – о нашем сговоре в твоём кабинете никому ни слова. Самым надежным и цепким твоим соотрудникам – ни слова!

Проколотся Пафнутьев и сразу, в ту же секунду, понял, что проколотся. И крикнул с досады, и чертыхнулся, и застонал от бессилия, невозможности что-либо исправить. Не надо бы ему, не надо бы произносить слово «цепкий» – совсем недавно именно это слово прозвучало в устах самого Шаланды, когда тот говорил о Вобликове. По молчанию в трубке Пафнутьев понял – подсек его Шаланда, догадался, и заворочалось что-то в его громоздкой душе, напряглось.

– И самым цепким, говоришь, тоже не надо? – медленно проговорил Шаланда.

– Я же сказал – никому.

– Иначе – утечка? – продолжал соображать Шаланда, тяжело, но в правильном, в правильном направлении, и Пафнутьев с сожалением это признавал. Что делать, проколотся.

– Хочу попросить, Шаланда, еще об одном важном деле, чрезвычайно важном. – Хитрый Пафнутьев знал, чем сбить Шаланду с мысли.

– Ну?

– Меня интересуют самые малые нарушения законности и правопорядка, самые невинные преступления, не говоря уже об особо опасных, которые будут происходить в районе тупика девятого номера трамвая. Там недалеко городская свалка, но она вскоре закрывается, поскольку «новые русские» облюбовали рядом неплохую рощицу с лесными озерами.

– А что там?

– Чует сердце, – горько сказал Пафнутьев. – Болит по ночам, давит в груди... И каждый раз перед мысленным взором возникает тупик девятого номера трамвая. Представляешь?

– Нашли там сегодня человека...

– Труп?

– Почти. Еле дышит. Нахлебался какой-то гадости.

– Сам или помогли?

– Если выживет, я у него спрошу. Мои ребята установили личность... Некий Калашников Федор Петрович. Больше полсотни мужику. Связался с его родственниками... Вчера у него была машина, совсем новая... А сегодня при смерти... Если и выживет, как сказали врачи, немного он вспомнит из своей жизни...

– В тупике девятого? – механически повторил Пафнутьев.

– Между свалкой и «новыми русскими» есть лесок... Вот в этом леске, на обочине... В траве...

– А сейчас этот Калашников в больнице?

– В городской. Позвони своему Овсову, он тебе все доложит. Заодно нальет, если попросишь, – усмехнулся Шаланда и положил трубку.

Странными и непредсказуемыми бывают извивы и перемены человеческого настроения. Пафнутьев мог, мог все-таки без больших душевных колебаний и сожалений выпить где угодно, далеко не всегда даже спрашивая, что ему наливают. Конечно, была в этом и природная хитрость, поскольку так уж сложилось, что человек, согласившийся выпить в новой компании, становился как бы своим, и люди готовы были доверчиво или, скажем, гораздо доверчивее, нежели до этого, отвечать на самые неуместные его вопросы. Он уже свой, он не продаст так нагло и подло, как это наверняка сделает человек, который пренебрег предложением выпить стаканчик-второй.

А потом, как ни странно это покажется для его профессии, была в Пафнутьеве какая-то расположенность к людям, и это сразу чувствовалось. Не только из сатанинского лукавства он мог пить с незнакомым человеком, вовсе нет, он много раз ловил себя на том, что ему просто хочется выпить с этим вот мужиком, которого видит первый и последний раз в жизни.

Все это так, все так...

Но какая-то неуправляемая волна гнева, злости, обиды накатывала на него после самых милых, можно сказать, слов – когда именно этой слабостью его и попрекали. Даже не то чтобы попрекали, а напоминали о ней, может быть, даже сочувствующе, дружески, с усмешкой, может быть, даже с одобрением, но напоминали. Вот сказал только что Шаланда, что, дескать, нальет тебе Овсов, если попросишь, и Пафнутьев окаменел от обиды. Шаланда давно уже занялся своими делами, давно уже из пафнутьевской трубки неслись частые короткие гудки, а он все еще сидел неподвижно, и кулак его, лежавший на столе, побелел от напряжения.

Пафнутьев глубоко вздохнул, будто решаясь на что-то неприятное, но необходимое, нажал кнопку телефона, дождался непрерывного гудка и набрал номер.

– Слушай, Шаланда... Овсов мне нальет, даже если я у него и просить не буду, нальет всего, что у него найдется в тумбочке. А тебе, Шаланда, он не нальет, даже если ты в его кабинет войдешь на коленях или на своем брюхе вползешь, понял? И единственное, чего ты, Шаланда, можешь от него дожидаться, так это нашатырного спирта под нос. И не только от Овсова. Понял? Спрашиваю, понял?

– Понял... – Тогда будь здоров. – И Пафнутьев положил трубку.

Звонок раздался минуты через три – именно столько времени понадобилось Шаланде, чтобы прийти в себя и понять, что произошло.

– Паша, – сказал он негромко, – ты не имей на меня зуб, ладно? Я исправлюсь.

– Ох, Шаланда, – выдохнул Пафнутьев и почувствовал – отпустило, отпустило. И только по одному этому выдоху понял Шаланда, что прощен. – Проехали, Жора.

Пришел Андрей с длинным списком машин, которые вчера подъезжали к конторе Сыцова. Напротив каждой стояла фирма, которой принадлежала машина, и даже номер телефона. Все они были известны, все зарегистрированы. Были и частные машины, они тоже принадлежали людям, установить которых было нетрудно, – фирмачи, банкиры, оптовики.

Но, просматривая записи телефонных разговоров, которые вел за вчерашний день Сыцов, Пафнутьев наткнулся на коротенький перебрех, который сразу привлек его внимание. Выловить из вороха именно эту запись было нетрудно. Когда речь шла о суммах, тоннах, поставках, Пафнутьев эти записи сразу откладывал в сторону, это были деловые звонки. Он искал разговор или откровенно угрожающий, или же затаенно ласковый, с неопределенными намеками, со странными напоминаниями о чем-то известном только собеседникам, о чем

вслух при посторонних они сказать не могут. Вот такая запись и обнаружилась в потоке слов, которые произнес вчера Сысцов, которые ему пришлось услышать...

« – Здравствуйте, Иван Иванович... Вы меня узнаете?

– Простите...

– Меня зовут Илья Ильич. Имя достаточно простое, но в то же время и редкое. Обычно меня запоминают.

– Что вы хотите?

– Прошлый раз мы с вами об этом говорили... Я представляю интересы моих клиентов... Я адвокат, с вашего позволения.

– Адвокатом вы стали и без моего позволения.

– Так что мне передать моим клиентам?

– Я готов с ними встретиться.

– Видите ли, им бы этого не хотелось...

– Откуда же мне тогда знать, что вы представляете их интересы, а не свои собственные?

– Простите, Иван Иванович, но это не должно вас интересовать. Это, дорогой Иван Иванович, не ваше дело.

– Значит, так, уважаемый... Что является моим делом, куда мне нос совать не следует, это буду решать я сам, и больше никто. Все, что касается взаимоотношений с вашими так называемыми клиентами, мы будем решать с ними, а не с вами. Вы же, как я понимаю, их только представляете, и не более того. Я правильно понимаю сложившееся положение?

– Не совсем, дорогой, не совсем. Дело в том, что я являюсь единственным человеком, с кем вы будете иметь дело и в будущем. Только я, и никто, кроме меня. Мы подумали, посоветовались и решили, что так будет гораздо удобнее, гораздо безопаснее для всех нас.

– А может быть, вы вообще никого не представляете, кроме самого себя?

– Зачем вам об этом думать, Иван Иванович? Прошлый раз я передал небольшой сувенир, полагая, что вы правильно поймете его назначение... Вы его храните? Надеюсь, он еще у вас? Берегите его, я проверю. Он будет хранить вас от всевозможных напастей. Знаете, в городе сейчас неспокойно, вы слышали, что случилось с пассажирами зеленого джипа на окраине города? Кошмар какой-то... Кстати, если задумаетесь об этой истории, то получите ответы на многие сегодняшние свои вопросы и сомнения... О том, представляю ли я кого-нибудь или только самого себя.

– Хорошо... Пусть будет по-вашему. Я готов встретиться с вами хоть сейчас.

– Это уже лучше, но требует некоторого обдумывания и некоторой подготовки. Я позвоню вам в ближайшее время. Всего доброго, дорогой Иван Иванович».

Пафнутьев прочитал текст один раз, второй, третий.

– Вот такие, брат, дела, – пробормотал он, тяжело нависая над столом.

Некоторые выводы напрашивались сами собой. Первое, что он отметил, – достойное поведение Сысцова. Он, конечно, мастер и в разговоре явно переигрывал своего противника, несколько раз попросту загонял того в угол, и Илье Ильичу ничего не оставалось, как перейти к откровенным угрозам. Хватка у Сысцова сохранилась прежняя. И звериного чутья, ощущения слабых мест противника ему не занимать. В коротком, на полторы страницы разговоре все это проявилось в полной мере.

Теперь Илья Ильич...

Он действительно адвокат или ловкий бандюга, начитавшийся газет, которые переполнены такими же вот случаями? Нет, разговор он вел весьма ловко, из сложных положений уходил почти без потерь, пригвоздить его Сысцову не удалось. Это надо признать. Но когда ему стало совсем неудобно, выложил козыри – глаз в баночке и расстрел зеленого джипа. Никого не назвал, ни на кого не сослался, несмотря на мощный напор Сысцова, позиций своих не покинул, линию свою довел до конца. И разговор закончил неожиданно быстро на случай, если его

попытаются засечь, если прослушивают... Звонил, конечно, из автомата, при нынешней оснащённости определителями номера, которыми обзавелась чуть ли не каждая контора, чуть ли не каждый третий гражданин новой России, это разумно. Судя по служебным пометкам, да, действительно, звонил из автомата в центре города.

Пафнутьев еще и еще раз вчитывался в текст разговора, потом взгляд его скользнул по столу, по бумагам, скопившимся за день, и нащупал наконец настольный календарь. И только тогда он увидел на листке написанные его собственной рукой сегодня же слова «Илья Ильич Огородников, адвокат».

Да, конечно, как он мог забыть – ведь приходили же ребята из расстрелянной банды и сказали открытым текстом – Илья Ильич Огородников имеет к происшедшим событиям прямое отношение. Они не были уверены и сейчас ни в чем не уверены, они в шоке после того, как была уничтожена добрая их половина. И к этому Илюше боятся приблизиться – если с ним хоть что-нибудь случится, сразу будет видно, кто приложил руку. Поэтому и пытались натравить на него Пафнутьева, справедливо рассудив, что у государства сил для этого гораздо больше.

– Не пора ли нам познакомиться, дорогой Илья Ильич, – вслух проговорил Пафнутьев. – Имя у тебя, как ты говоришь, достаточно простое, но в то же время редкое...

Рука Пафнутьева как бы сама собой потянулась к телефону, но тут же обессиленно легла на стол – рабочий день давно закончился. Звонить можно было только по домашним телефонам, но времена нынче настали такие, что люди стали очень нервничать, когда их тревожат дома, – отключают телефоны, ставят автоответчики. Отгораживаются от жизни, умыкаются, проще говоря, прячутся. Опасаются новостей стремительных, все сминающих, все разрушающих, хотя пора бы и привыкнуть, усмехнулся Пафнутьев, пора бы и пообвыкнуться.

Но, с другой стороны, прекрасно знал он и то, что существуют целые пласты населения, которые все свои вопросы, и личные, и общественные, решают вечерними телефонными звонками. А днем, днем они только отрабатывают то, что было решено накануне, во время полуночных перезвонов.

Единственный, кому решился позвонить Пафнутьев, это Андрей. Трубку долго не поднимали. В полном недоумении он уже хотел положить ее, но наконец где-то что-то щелкнуло, и он услышал знакомый голос:

– Да, слушаю.

– Андрей? Спал?

– Почти.

– Ладно. Слушай. Есть такой человек, Илья Ильич Огородников. Вроде адвокат. Не возбуждая паники в городе, постарайся узнать, что за птица, добро?

– Записал. Илья Ильич Огородников. Адвокат. Значит, завтра буду после обеда.

– Давай, – сказал Пафнутьев и положил трубку.

Не понравился ему Андрей, какой-то он был не то удрученный, не то подавленный. Трубку опять же долго не поднимал... Не все у них с Надей ладно, не все, вздохнул Пафнутьев. А ведь иначе и быть не могло, вдруг открылось ему, иначе и быть не могло. Оба они, и Андрей, и Надя, – люди с потревоженной психикой, если можно так сказать. У него девушка застрелилась, Надя сама застрелила отца своего ребенка... Какая может быть безоблачность, какая беззаботность, если у каждого за спиной труп маячит...

«Вмешивается, вмешивается криминальная жизнь в личную и влияет на нее самым пагубным и необратимым образом», – про себя проговорил Пафнутьев и даже восхитился, как у него складно да ловко сложились эти слова.

* * *

Андрей положил трубку, да так и остался сидеть возле телефона в прихожей. Он вдруг поймал себя на странном желании – не хотелось ему возвращаться в комнату, подходить к Наде, видеть ее, о чем-то с ней говорить. Последнее время все эти простые и естественные поступки начали обрастать какой-то тяжестью, подневольностью. Вот он что-то говорит Наде, важное для него, интересное, и видит, видит, что она попросту его не слышит. Замолкнув на полуслове, он отходит, и говорить ему что-то после этого не хочется. А она, спохватившись, вернувшись из каких-то своих дальних мысленных странствий, может легко и свободно, без напряжения повторить все его последние слова – дескать, слушаю тебя, Андрюша, дескать, внимательно жду продолжения, Андрюша, что же ты, Андрюша, замолчал?

Но не слушала она его и не слышала. А повторить только что прозвучавшие слова несложно, звуковое эхо еще некоторое время гуляет в сознании. С ним это случалось в троллейбусе. К примеру, едет он, задумавшись, и вдруг вспоминает, что на этой вот остановке или на следующей ему надо выходить. И в сознании, как по какой-то команде, звучат слова, которые минуту назад произнес в динамики водитель.

– Пафнутьев звонил? – спросила Надя из комнаты.

– Да. Он.

– Что на этот раз?

Возможно, она и сама не сознавала, насколько чуждым, если не сказать издевательским, был этот вроде бы такой невинный вопрос. Дескать, что с него взять, с Пафнутьева, дескать, что с тебя, Андрюша, взять? Такие уж вы люди, ни о чем действительно важном, волнующем поговорить не можете. И интересы у вас не меняются годами, и разговоры идут такие, что можно на год отлучиться, а вернувшись, тут же сказать нечто вполне уместное. А если на этот раз в вашем разговоре что-то новое, то это лишь способ, каким кто-то кого-то убил, расчленил, фамилия может измениться, название улицы или время суток. А суть, суть остается одна. И даже в том, что Надя вот так просто, не сомневаясь, спросила, не Пафнутьев ли звонил, Андрей почувствовал уязвленность. Конечно, Пафнутьев звонил, кто же еще может позвонить тебе, Андрюша, этим приятным вечерком?

– На этот раз Пафнутьева интересует человек, которого зовут Илья Ильич Огородников.

– Конечно, – кивнула Надя, и Андрей, не выходя из прихожей, не поднимаясь от телефона, увидел ее снисходительную улыбку. – Кто же еще может заинтересовать Павла Николаевича... Отпетый бандюга, трижды судимый, дважды сидевший, многократно опущенный... Илья Ильич Огородников.

Андрей поднялся, медленно приблизился к двери и с удивлением уставился на Надю.

– Боже! – пробормотал он потрясенно. – Откуда ты все это знаешь?

– Общалась, когда служила у одного подонка... У папаши вот этого невинного младенца. – Она кивнула на девочку, которая возилась в детской кроватке с куклами. – С остальными судьба поступила сурово, а он, как видишь, увернулся.

– И ты знаешь, что он сидел, что он...

– Да, и это знаю. – Надя спокойно улыбнулась в лицо Андрею. – И что опускали его несколько лет подряд, тоже знаю. – Ей легко давались такие вот слова на грани бесстыдства. Андрей их избегал. Не потому, что не знал. Знал. Просто избегал, полагая, что люди могут общаться и без этих откровений. – Ты знаешь, что бывает в лагерях с теми, кто попадает туда за возвращение малолеток? – Ей, казалось, доставляло удовольствие видеть его неловкость.

– Представляю.

– Так вот он сидел именно за это. У нас было на него неплохое досье. Компра, как выражается твой Пафнутьев.

– Пафнутьев не мой. И он так не выражается. Он вообще не выражается. В отличие от некоторых.

– Ты меня имеешь в виду?

– Да.

– Недостойна, значит? Грязновата? Замарана? – Надя улыбнулась, но это была лишь гримаса, изображающая улыбку. Андрей уже знал это ее состояние – она была близка к истерике. Знал и то, что одно его неосторожное слово, и начнется такое, что потом неделю будет висеть в воздухе чем-то тягостным и непродыхаемым.

– У Огородникова были дела с твоим шефом?

– Он был не только шефом...

– Кем же еще? – неосторожно спросил Андрей, решив, что Надя начала успокаиваться.

– Любовником. Отцом этого ребенка.

– Хорошим любовником? – не удержался Андрей, понимая, что получил ее ответом по физиономии.

– Да! В отличие от некоторых! – Надя уже не могла остановиться. Может быть, она и сожалела о злых, подлых словах, которые высказывали из нее, но остановиться не могла. Андрей видел это по бешенству в глазах, которое на мгновение сменялось беспомощностью. Но он тоже не владел собой и не хотел останавливаться. Это он потом поймет, но сейчас уже не хотел останавливаться и бросать разговор неоконченным, с повисшими в воздухе оскорблениями, обидами, обвинениями.

– За что же ты с ним так? – усмехнулся Андрей побелевшими губами. – За что же ты ему пулю в лоб?

– Погорячилась. Бывает.

– Что же в нем было такого потрясающего? Как в любовнике?

– Тебе не повторить.

– А я и не собираюсь. Но должен же я знать границы собственного ничтожества.

– Думаешь, они есть?

– А что, их нет?

Надя некоторое время смотрела на Андрея бешеными от ненависти глазами, но постепенно ненависть угасала и вместо нее появлялось все больше смятения. Наконец, не выдержав, она разрыдалась.

– Зачем ты втягиваешь меня в такие разговоры? Почему ты просто не набьешь мне морду? Ты же видишь, что я плыву, что несу чушь, что не отвечаю за свои слова, ты же видишь...

Андрей знал, что нужно делать в таких случаях, – он просто обязан подойти к Наде, положить руку на ее голову, погладить по волосам. Она расплечется, прижмется, обнимет его, стоящего рядом, и через несколько минут успокоится. И у них будет хорошая, очень хорошая ночь. Надю всегда возбуждали такие ссоры, она просто теряла самообладание от любви после таких перебранок с оскорблениями, обидами, даже с пощечинами. А наутро была, как никогда, ласкова, нежна, предупредительна. И такой оставалась почти неделю, на неделю ее хватало. Но потом снова начинала смотреть в угол, молчала и в ответ на вопрос Андрея, слышит ли она его, могла легко, без запинки повторить десятков, два десятка слов, которые он только что произнес. Но все-таки она их не слышала, увлеченная видениями своей прошлой жизни.

– Так что Павел Николаевич? – спросила Надя подобранным голосом, словно то злобное существо, которое только что бесновалось в ней, покинуло ее тело и она наконец снова смогла стать собой. – Ах да, Огородников... Запиши, Андрюша... Тридцать два шестьдесят три сорок один.

– Что это? – испуганно спросил Андрей, решив поначалу, что Надя бредит.

– Его телефон. Домашний, между прочим. Этот номер знают немногие.

– И ты его до сих пор помнишь? – удивился Андрей.

– А почему нет? Я многие номера помню. И твой хорошо помню. – Это был явный выпад. И хотя Надя произнесла последние слова с улыбкой, Андрей не принял шутки. Он отошел в сторону, записал в блокноте номер, который только что назвала Надя.

Собственно, если это и была помощь с ее стороны, то небольшая, совершенно незначительная, поскольку к услугам Пафнутьева была надежная служба по установлению телефонных номеров граждан. Но другие ее сведения об Огородникове были в самом деле важными. Во всяком случае, теперь можно было запрашивать сведения о нем в тех местах, до которых Пафнутьев мог бы и не додуматься.

– Так что Павел Николаевич? – Надя вспомнила о своем вопросе.

– Павел Николаевич передает тебе пламенный привет. Он желает тебе здоровья и личного счастья, – сказал Андрей без выражения. Почувствовав его холодность, Надя снова начала заводиться, поняв ее как пренебрежение.

– Скажи ему, что я помню его. Он все так же ходит в рубашках с жеваными воротничками? – Это тоже был выпад, она знала, чем зацепить Андрея.

– Я же хожу, и ничего, – улыбнулся он. И эти слова были ответным ударом.

– Как его жену зовут? Вика? Помнится, ты говорил, что у тебя с ней что-то было? Это она вас приучила к жеваным воротничкам? – Надя усмехнулась.

– Да, Надя, – тихо проговорил Андрей. – Твой шеф, у которого столько сексуальных достоинств и которому ты всадила пулю в лоб, носил другие рубашки. За ним, похоже, ты ухаживала более тщательно, нежели Вика за Павлом Николаевичем... Мы, похоже, того не стоим. – Андрей еще что-то говорил все тише и все безжалостнее. Он уже принял решение и знал, как поступит через минуту.

– А если я тебе сейчас врежу по морде? – спросила Надя звенящим от злости голосом.

– В тебе заговорил опыт прошлой жизни, Надя. То ты предлагаешь себя бить по морде, то сама воспылала этим желанием... Странные у вас там нравы, странные у вас там отношения...

– У кого это у нас?! Где это там?!

Андрей не стал отвечать, он почти успокоился. Надя перешла, или же оба они перешли ту границу, перед которой можно еще обижать и обижаться, можно что-то доказывать и пытаться ударить побольнее. Все это потеряло значение, наступили усталость и безразличие. Но Андрея это состояние охватывало раньше, и в этом было его преимущество. Когда Надя готова была сделать очередной выпад, когда она опять выкрикнула что-то злое и обидное, Андрей лишь усмехнулся. Он уже был защищен усталостью и безразличием.

Спohватившись, Надя напряженно прислушивалась к звукам, которые доносились до нее из прихожей. Царапнули по полу туфли, прошуршала куртка, Андрей заглянул в комнату уже одетым.

– Я отлучусь маленько, – сказал он. – Мне надо привести в порядок свои воротнички.

– Надолго? – Надя смотрела на него исподлобья, не зная, то ли снова попытаться царапнуть его, то ли требуется что-то другое, что уже начало просачиваться в ее сознание.

– Позвоню, когда будут первые успехи. Знаешь, о чем я подумал... Мы с тобой немного притворялись... А теперь стали самими собой. – Андрей великодушно сказал «мы», хотя имел в виду только Надю.

И она его поняла.

– Я не притворялась, – сказала она почти беспомощно. – Я вообще никогда не притворялась. И не намерена это делать сейчас. Андрей...

– Я позвоню, – сказал он. – Пока.

– Не уходи!

– Пока.

Когда Пафнутьев, вспомнив о чем-то, снова позвонил, трубку подняла Надя.

– Он здесь больше не живет, – сказала она.

И это была правда.

Они были еще слишком молоды и не понимали простой и очевидной вещи – все, что случается между ними, происходит между всеми мужчинами и женщинами в свое время – когда собственное настроение, недомогание или обида кажутся важнее всего, что вообще может быть на белом свете. Их ссора с намеками на прошлую жизнь и упреками в прошлой жизни была самой обычной семейной ссорой в стороне от здравого смысла. Может быть, она вообще не имела никакого смысла, и потому все слова казались обиднее и злее, чем они были на самом деле, все сказанное звучало обобщенно, как бы навсегда, как бы окончательно.

Приговором звучало, приговором, не подлежащим обжалованию.

Слова и произносились как приговор, и воспринимались как приговор.

Но проходит какое-то время, и именно это вот свойство злых слов, обобщенность, растворяет их в памяти, и сами собой выплескиваются искренние слова:

– Боже мой! Андрей, ты помнишь хоть слово из нашей ссоры?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.